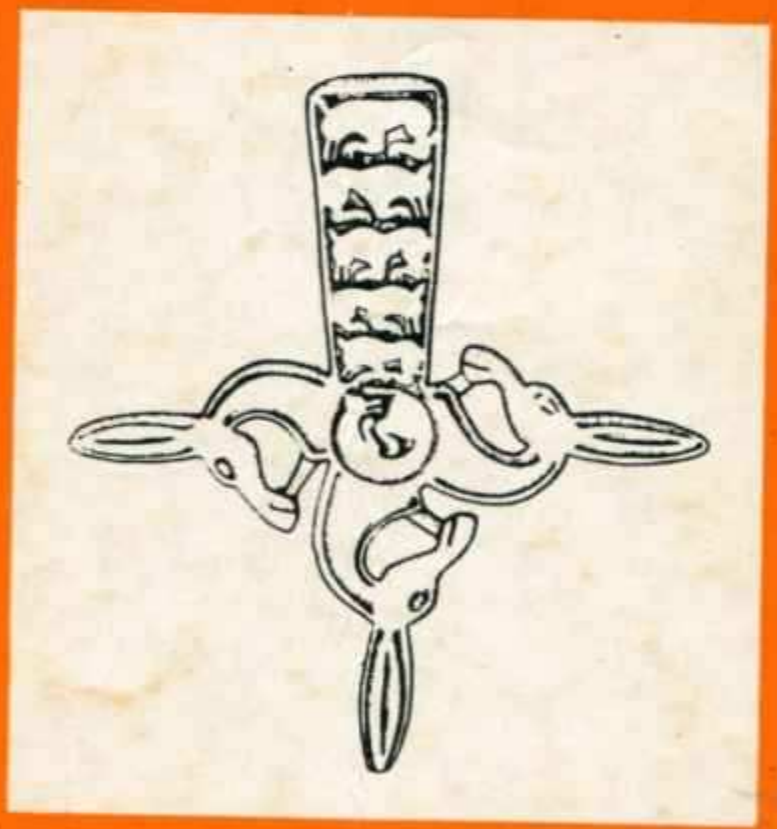
Полтавское областное управление культуры
Полтавский краеведческий музей
Полтавская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

Областной научно-практический семинар

22—23 января 1988 года



Тезисы докладов и сообщений

Полтава—1988

Полтавское областное управление культуры
Полтавский краеведческий музей
Полтавская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

Областной научно-практический семинар

22—23 января 1988 года

Тезисы докладов и сообщений

Полтава—1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

КОРСУН А. Е., КУЛАТОВА И. Н., ОНИПКО М.Д., заслуженный работник культуры УССР (отв. редактор), СУПРУНЕНКО А. Б., ШАПОВАЛ Н. Ф.

На обложке: бронзовая бляха из погребения скифского времени у с. Енковцы Лубенского района

ЧИЧКАЛО Б. В.

Полтавская областная организация Общества охраны памятников истории и культуры

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЛТАВЩИНЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Памятники истории и культуры — достояние и гордость всего советского народа. Трудящиеся орденоносной Полтавщины с безграничным почтением относятся к народным святыням, заботливо оберегают и приумножают их.

В настоящее время в области на учете и под охраной государства находится 3451 памятник. Из этого числа: памятников археологии — 462, истории — 2465, искусства — 524, среди которых 235 памятников В. И. Ленину, градостроительства и архитектуры — 66.

В Полтавской области проводится значительная работа по выявлению, охране, научному исследованию памятников. Большую помощь в этом органам культуры и народного образования, работникам архитектуры и ученым вузов оказывает огромный, пополняющийся из года в год, отряд добровольных помощников, объединяющихся в 3194 организации Общества охраны памятников истории и культуры. Он насчитывает более 656 тысяч членов.

Свидетельством всевозрастающего внимания трудящихся к историко-культурному наследию является тот факт, что лишь за два последних года выявлены и описаны около 300 памятников. Открыт ряд новых памятников и мемориальных досок, среди них: мемориальная доска, сооруженная в честь 90-летия со дня рождения пионера космонавтики Ю. В. Кондратюка; памятники А. С. Пушкину, М. Пушкарю — соратнику Богдана Хмельницкого в Полтаве, Е. П. Гребенке — к 175-летию со дня рождения в пгт. Гребенке.

В области осуществляется большая исследовательская работа. Изучается жизнь и творчество Ю. В. Кондратюка. Собраны ценные материалы для музея истории авиации и космонавтики, который распахнет свои двери посетителям в недалеком будущем. Проводится сбор экспонатов для музея-заповедника А. С. Макаренко. Он будет открыт в с. Ковалевка Полтавского района, в ознаменование 100-летнего юбилея талантливого советского педагога и писателя.

Разворачивается поисковая операция «Вспомним всех поименно». Патриотический долг советских людей призывает их к активному участию в установлении и увековечивании имен воинов, партизан, подпольщиков, погибших в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и захороненных на Полтавщине.

Важное место в деле охраны и использования памятников истории и культуры отводится вопросам их пропаганды. Пропаганду памятников в области осуществляет 513 лекторов Общества охраны памятников истории и культуры, 39 народных университетов пропаганды памятников и их филиалов, 32 лектория и кинолектория, 24 радиожурнала, 1075 музеев и музейных комнат на общественных началах.

Широко развернулась в последние годы работа по изучению и учету памятников археологии.

В настоящее время обследованиями на предмет выявления древних поселений и курганов охвачено 15 районов области. В этом направлении следует продолжать наши усилия. Ведь на учете и под охраной государства находится лишь 82 (без учета внутрикомплексных) памятников археологии.

В ближайшее время необходимо взять на государственный учет большинство вновь выявленных памятников, прежде всего, курганные группы. Следует также утвердить и пересмотреть охранные зоны ряда памятников археологии всесоюзного и республиканского значения: Бельского городища, древнерусских городищ Посулья, Гонцовской позднепалеолитической стоянки.

Принципиальную оценку в области получили факты разрушения некоторых памятников археологии, в том числе наиболее массовых — курганов.

Советские органы, общественность и в дальнейшем будут проявлять еще большую решимость в пресечении грубых нарушений Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

В. А. Войналович, Ю. З. Даннлюк

Полтавский пединститут
Институт истории АН УССР

ПОДГОТОВКА «СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СССР» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И ПРОПАГАНДЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Одним из важнейших направлений деятельности ученых обществоведов, творческих работников, широкого краеведческого актива является подготовка «Свода памятников истории и культуры народов СССР» — уникального издания энциклопедического типа, призванного собрать и обобщить сведения практически о всех недвижимых памятниках, расположенных на территории нашей страны. Предстоит не только обобщить уже имеющиеся данные, но и ввести в научный оборот сведения о новых, ранее неизвестных памятниках.

В связи с этим, на первый план выдвигается научно-исследовательская и поисковая работа, связанная с выявлением новых памятников археологии, истории, монументального искусства, архитектуры и градостроительства. Заметные шаги в этом направлении сделаны уже сегодня. Только на Полтавщине учеными, преподавателями, краеведами выявлено и предложено для включения в «Свод...» около 300 новых памятников истории. Значительную помощь в исследовании памятников археологии оказывает Украинское общество охраны памятников истории и культуры. На выделенные

этой общественной организацией средства работает ряд археологических экспедиций в различных регионах республики.

С процессом выявления новых памятников, написания статей о ранее известных неразрывно связана проблема упорядочения учетной документации в системе органов Министерства культуры СССР и Госстроя республики. Ее анализ, проведенный в последнее время, выявил немало существенных недостатков, упущений, а нередко и искажений исторических фактов. В упорядочении документации, как нам представляется, важную роль сыграет работа авторов в центральных архивохранилищах СССР, УССР, рукописных отделах научно-исследовательских институтов и библиотек.

Создание «Свода памятников», по нашему мнению, сопряжено с решением ряда практических задач. В частности, с разработкой научно-обоснованных комплексных планов: охраны, реставрации историко-культурных памятников, а также плана монументальной пропаганды, охватывающих все этапы социально-экономического политического и культурного развития нашей Родины, ее краев, областей, городов и сел.

Выдвигается также важная задача использования воспитательного потенциала экологии культуры, более широкого вовлечения памятников процесс воспитания трудящихся. Ценные мысли по этому поводу высказал в тезисах, подготовленных к I Всесоюзной конференции по историческому краеведению в Полтаве (1987 г.) выдающийся советский ученый, академик Д. С. Лихачев. Многие его выводы и положения легли в основу практических рекомендаций Всесоюзной конференции.

Ценный опыт накоплен на Полтавщине. Заслуживает внимания и распространения опыт подготовки сборника «Историко-культурное наследие Полтавщины» (К., 1987, с. 326), совместно осуществленный научными сотрудниками Института истории АН УССР, института археологии АН УССР, преподавателями Полтавского педагогического института имени В. Г. Короленко. В сборнике, исследовательскому по своему характеру, проанализированы основные источники для изучения памятников, изданная литература, охарактеризованы основные группы памятников археологии, истории, монументального исскуства, архитектуры и градостроительства.

Важную роль в координации исследований историко-культурного наследия, обмена накопленным опытом призваны сыграть региональные конференции, семинары авторских коллективов.

В настоящее время работа по написанию отдельных томов «Свода» в ряде областей, в частности Полтавской, вступила в свою завершающую стадию. Вместе с тем, подготовку издания следует рассматривать как отправную точку в изучении, охране и пропаганде историко-культурного наследия.

Телегин Д. Я.

Институт археологии
АН УССР

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВЩИНЫ

1. К числу наиболее «горячих точек» в деле охраны памятников археологии Полтавской области на сегодня следует относить объекты, разрушаемые Кременчугским и Днепродзержинским водохранилищами, а также курганы на полях, обрабатываемых колхозами и совхозами.

2. Периодическое обследование линии размыва берегов водохранилищ показало, что здесь систематически появляются на поверхности и быстро разрушаются все новые и новые стоянки, поселения, могильники и др. разных эпох. Еще пять—десять лет тому назад, например, против пгт. Градижск в берегах водохранилища размывались могильники и поселения черняховской культуры, где были собраны сотни интересных и ценнейших для науки находок: фибулы-застежки, посуда, монеты и др. Сейчас это место уже размыто полностью и памятники погибли. За последнее время в устье Сулы, где начался размыв коренного лесового берега, открылись весьма редкие для Поднепровья стоянки древнего каменного века (палеолита). Уже обнаружено более десяти таких местонахождений; за ними нужен постоянный, самый тщательный надзор. Размыв во многих местах подступает и к курганным группам (Шушваловка, Орлик и др.), необходимо срочно проводить спасательные работы.

В нашу неотложную задачу входит создание Полтавской постоянно действующей археологической экспедиции в зоне размыва водохранилищ, с привлечением к этой работе не только штатных сотрудников музеев области и Общества охраны памятников, но и широких слоев краеведов-любителей на местах. В связи с этим перед нами стоит серьезная проблема воспитательной работы с краеведами: повышения их уровня археологических знаний, обучения методам ведения археологических разведок, правил фиксации памятников, обработки материалов и др.

Финансирование всех работ такой экспедиции, видимо, должна взять на себя областная организация Общества охраны памятников и Управление культуры облисполкома.

3. На территории Полтавской области, по приблизительным подсчетам, сохранилось около 4000 курганов. Каждый из них, как известно, является местом погребения эпохи меди—бронзы, раннего железного века и эпохи средневековья, имеющих важное историческое значение. Подавляющее большинство курганов, вопреки существующему законодательству, к сожалению, еще распахивается. Лишь, примерно, третья-четвертая часть насыпей, обычно наиболее высоких, пока не задеты распашкой.

До принятия постановления о вымежовывании курганов из севооборота в задачу органов охраны памятников входит надзор за регламентацией полевых сельскохозяйственных работ в районе расположения курганных групп, что значит проведние здесь неглубокой (до 15—20 см) вспашки и запрещение на курганах всяких земляных работ, — сооружения ГСМ, силосных ям, скотомогильников и др.

Важной неотложной задачей в деле охраны курганов является также решительное присечение всяких попыток со стороны хозяйственников запашки насыпей, где такая до сих пор не проводилась. С этой целью все нераспаханные курганы области должны быть взяты на отдельный список учета с краткой характеристикой каждого из них: размеры, состояние насыпи, собственное название и т. п. Эти списки должны быть утверждены районными и областными Советами народных депутатов. На каждый из таких памятников в обязательном порядке составляется охранное обязательство, а на вершине кургана устанавливается государственный охранный знак. Положительные результаты в деле охраны памятников культуры может дать и установление над ними шефства со стороны организаций или же отдельных активных краеведов-любителей.

Лишь общими усилиями органов охраны памятников истории и культуры и широких слоев общественности мы сможем добиться успеха в деле сохранения культурных ценностей нашей страны.

Луговая Л. Н.

Полтавский краеведческий музей

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА И ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛТАВЩИНЫ

Вопросы учета археологических памятников Полтавщины и их охрана требуют пристального внимания и конкретных мер по их решению. Только всестороннее изучение и организация четкого учета обеспечат успешное выполнение задач по их сохранности; только на этой основе возможно планомерное, скоординированное, целенаправленное проведение охранных мероприятий и исследований.

В этих целях на основе археологических исследований в области проведена паспортизация 82 археологических памятников. Во все районы направлен перечень населенных пунктов, на территории которых выявлены памятники археологии, утвержденный решением Полтавского облисполкома (№ 384 от 14. 10. 86).

Принятые меры можно считать первыми шагами в решении назревших проблем. Большинство памятников в области не взято на государственный учет, на них нет учетной и охранной документации, картографических данных. Это усложняет осуществление охранных мероприятий, создает определенные трудности при согласовании проектов строительных, мелиоративных, дорожных работ, проведении археологических исследований.

Для организации учета необходимо прежде всего составить список известных памятников археологии в полном объеме. Утвержденный областным исполнительным комитетом, он станет основным охранным документом для всех перечисленных в нем объектов. При составлении перечня следует учитывать из всех когда-либо открытых и известных памятников только проверенные, реально существующие, пригодные для исследования и охраны. В ходе дальнейших археологических исследований в эти списки будут вноситься необходимые изменения. Исходя из вышеизложенного, выражение «в полном объеме» применительно к археологической группе памятников весьма относительно.

Одновременно должна проводиться паспортизация памятников с непременным составлением на них охранных обязательств. В скорейшем проведении паспортизации в настоящее время особо нуждаются курганы. В связи с интенсивным ростом хозяйственного и мелиоративного строительства, расширением пахотных земель, деятельностью людей — они чаще других памятников подвергаются разрушению. Для решения этого вопроса в области уже проведена значительная исследовательская работа. В результате археологических исследований по подготовке Свода памятников истории и культуры народов СССР в 1986—1987 годах обследовано и картографировано в основном все курганы бассейна Псла и Ворсклы (обследованием охвачено 15 из 25 районов области).

Эффективность и высокие темпы паспортизации должен обеспечить принцип паспортизирования не каждого кургана в отдельности, а всех курганов по населенным пунктам, возможно даже по сельсоветам. Это позволит решить проблему паспортизирования и охраны курганов, составляющих значительную часть всех археологических памятников области, в сравнительно короткие сроки.

Проведение тотального обследования археологических памятников области дает также возможность выявить разрушающиеся памятники и спланировать охранные работы таким образом, чтобы исследовать их в первую очередь. Так, экспедициями музея в 1987 году по данным археологических разведок 1986 года исследовано 9 таких курганов в Кременчугском, Кобелякском, Новосанжарском, Чутовском районах.

В конечном итоге, осуществление намеченных мероприятий улучшит сохранность древнейших памятников Полтавщины, — составной части культурного наследия страны,—увеличит ответственность за это руководителей хозяйств, предприятий и организаций, на территории которых они находятся, повысит роль и значение государственных и общественных органов охраны памятников.

Кулатова И. Н.

Полтавский краеведческий
музей

О ЗАДАЧАХ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Со времени первых исследований археологических памятников на Полтавщине в XIX в. (Ф. И. Каминский, Т. В. Кибальчич, В. Г. Ляскоронский, Д. Я. Самоквасов, В. В. Хвойко) накоплена значительная археологическая информация. Еще в 1917 г. издан первый свод данных о городищах и курганах области (Макаренко, 1917). В послеоктябрьский период работа советских исследователей (Рудинский М. Я., Макаренко Н. Е., Тахтай А. К., Ляпушкин И. И.) положила начало планомерному изучению археологических объектов края. В послевоенные годы на территории области плодотворно работают экспедиции институтов археологии АН СССР и АН УССР, Харьковского и Донецкого госуниверситетов, Полтавского пединститута и областного краеведческого музея, выявившие и исследовавшие значительное количество памятников археологии. В результате этих работ стало возможным издание «Довідника з археології України. Полтавська область» (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982), содержащего краткие сведения более чем о 1 тыс. памятников археологии. К настоящему времени на территории области известно более 1500 памятников (в т. ч. отдельных курганов и курганных групп). Ежегодно эта цифра увеличивается. Так, в 1983—1985 гг. выявлено 80 новых объектов, разведками 1986 г. это число увеличено еще на 30 памятников. Работами двух последних лет в Нижнем Поворсклье и Поорелье, бассейнах Псла и Сулы картографировано до 2 тыс. курганов.

Однако, в области еще нет районов, исследованных достаточно полно в археологическом отношении. Среди наиболее изученных назовем Лубенский, Кобелякский, Кременчугский, Новосанжарский, Полтавский районы. Работы по обследованию Глобинского, Великобагачанского, Карловского, Машевского и др. районов начаты только в 1986—1987 гг. Слабо известны памятники Гребенковского, Оржицкого, Семеновского, Хорольского районов. Это является свидетельством недостаточной интенсивности проводимых разведок и требует усиления деятельности по планомерному обследованию территории области. Важной задачей охранной работы является создание областной научной картотеки, для чего требуется участие археологов в паспортизации объектов, создание уточненной археологической карты области и, прежде всего, нанесение учтенных археологических памятников на схемы землепользования. Решение этих вопросов, наряду с практикуемым согласованием рабочих проектов строительства оросительных систем и выбора участков под застройку с сектором археологии отдела охраны памятников областного краеведческого музея, способствовало бы преодолению трудностей в организации охранных археологических работ в зонах новостроек.

На пути решения проблемы сохранения памятников в зонах «малой мелиорации» и колхозного строительства уже имеются определенные успехи: решением облисполкома (№ 384 от 14. 10. 1986 г.) утвержден список всех населенных пунктов, рядом с которыми находятся известные памятники археологии, подлежащих согласованию застройщиками с государственными органами охраны памятников. Неотложной задачей на сегодня является подготовка актива общественников и краеведов, которые бы оказывали помощь в выявлении и охране археологических объектов, в предоставлении оперативной информации о разрушениях памятников.

Важной задачей охранных мероприятий является увеличение количества охраняемых государством археологических объектов и заключение как можно большего числа охранных обязательств с землепользователями, снятие с учета и охраны исследованных или разрушенных памятников.

Ряд проблем имеется и в отношении крупных, находящихся на учете и под охраной объектов-городищ и поселений, которые требуют постоянного внимания и контроля. Наиболее сложно поддается решению проблема контроля за несколькими землепользователями в черте городской застройки в одной охранной зоне. Положительным примером решения вопроса сохранения памятника при нескольких землепользователях является организация охранной зоны летописного г. Снепорода у с. Мацковцы Лубенского района Полтавской области.

До настоящего времени, из всех районов области, только в Кобелякском, решением райисполкома (№ 40 от 6. 07. 1984 года), памятники археологии исключены из севооборота. На Полтавщине вовсе не существует археологических заповедников, хотя уникальный памятник — Бельское городище — уже несколько десятилетий неотложно нуждается в этом.

Продолжаемая работа по подготовке материалов для Свода памятников истории и культуры Полтавской области, включение значительного количества объектов в состав археологической части Свода, будет содействовать решению указанных проблем.

Моргунов Ю. Ю.

Институт археологии
АН СССР

ОХРАННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА ГОРОДИЩЕ ЛЕТОПИСНОГО г. СНЕПОРОДА

Посульская экспедиция институтов археологии АН СССР и АН УССР с 1982 г. проводит охранные раскопки на городище у с. Мацковцы (Лубенского района Полтавской обл.). Это сооружение представляет собой остатки летописного города Снепорода и охраняется государством как археологический памятник республиканского значения.

Древнерусское укрепление XI—XIII вв. разрушалось активным воздействием сил природы. Поэтому, в первую очередь, нами были выявлены наиболее угрожаемые участки и составлен перспективный план очередности охранных раскопок.

Разведочный отряд, руководимый сотрудником Полтавского областного краеведческого музея А. Б. Супруненко провел тщательное обследование окрестностей древнерусского города, что помогло получить оперативную информацию о степени сохранности ближайших к городищу археологических памятников.

С 1984 г. долевое участие в раскопках принимает Украинское общество охраны памятников истории и культуры (за счет ее Полтавской областной организации), что плодотворно повлияло на качество и объемы охранных мероприятий.

На основе разведочных данных, шурфовки и дешифрирования аэрофотосъемки памятника, нами был создан новый, научно обоснованный, реальный план охранной зоны, утвержденный Полтавским облисполкомом.

Вышеприведенные мероприятия можно назвать первичными или организационными, но без них невозможен планомерный и методичный подход к ведению охранных раскопок на современном уровне.

Основной принцип наших исследований состоит в том, чтобы максимально сохранить хорошо сохранившиеся массивы памятника. Так, разрез оборонительного вала был заложен на эррозионном участке, сложившемся на месте старых помещичьих раскопок. Исследование въезда в крепость планируется провести таким образом, чтобы не повредить хорошо сохранившиеся участки древних стен, но максимально изучить прилегающие к въезду разрушенные участки вала.

Второй принцип — законсервировать вскрытые объекты, создать их графические и объемные реконструкции, пригодные для воплощения в дереве прямо на месте раскопок. Проводятся перспективные опыты с консервацией культурного слоя с помощью водорастворимых поликомплексов, не меняющих естественной окраски грунтов, что в будущем позволит оперативно и надежно музеефицировать вскрытые археологами древние объекты.

Третий принцип — это планомерная борьба с «озеленяющими» памятник археологии лесными насаждениями, из года в год губящими корневой системой древние культурные отложения. Эта борьба идет с переменным успехом, поскольку средства на этот вид охранных мероприятий не отпускаются. Не всякий может понять, что памятник археологии не столько портится ежегодной распашкой его поверхности, сколько планомерно уничтожается корневой системой деревьев и кустарников.

Итог наших охранных работ на городище мы видим в создании археологического музея под открытым небом. К счастью для науки, по этим вопросам мы находим полное понимание Лубенских партийных и советских органов. И не только понимание (как часто этим все и ограничивается!), а всемерную практическую поддержку.

Казаков А. Л., Коваленко В. П.

Черниговский исторический
музей
Черниговский государственный
пединститут

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Значение археологических памятников для изучения и реконструкции древнейших периодов истории нашей Родины общеизвестно. Даже принимая во внимание значительные многовековые невосполнимые потери, они и сегодня еще хранят в себе неисчеслимые свидетельства о жизни и быте наших предков. Вместе с тем, несмотря на десятилетнее существование Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», археологические древности продолжают оставаться наиболее беззащитной категорией памятников. Причины этого, наряду с отсутствием соответствующих подзаконных актов и низким культурным уровнем многих хозяйственников, нередко кроются в неудовлетворительной работе государственных органов охраны памятников. Это, в свою очередь, объясняется нехваткой квалифицированных кадров, слабой материальной базой и — в немалой степени — отсутствием необходимого опыта. В связи с вышеизложенным, обобщение и осмысление даже небольшого по объему опыта представляет известный интерес для совершенствования дела охраны и изучения памятников археологии.

Черниговская область, расположенная на стыке разных ландшафтных зон, волею исторических судеб оказалась контактной зоной различных этносов и культур, вследствие чего на ее территории представлены памятники большинства археологических культур, известных на юге республики. Однако в области, несмотря на относительно широкий размах археологических исследований (в 1970—1980 гг. здесь работали экспедиции ИА АН СССР, ИА АН УССР, ЛО ИА АН СССР, Государственного Эрмитажа, ЛГУ и др.), до недавнего времени практически отсутствовал государственный учет памятников археологии, что нередко вело к их бесконтрольному уничтожению в ходе мелиоративных, дорожных и других строительных работ. С целью исправить сложившуюся ситуацию в 1981 г. при Черниговском историческом музее был создан отдел охраны и изучения памятников археологии.

Среди главных задач, поставленных перед отделом были: создание государственного реестра известных памятников археологии области и их паспортизация; систематическое обследование территории области с целью выявления и взятия на учет новых памятников археологии; согласование проектов всех видов строительных и других земляных работ с целью предотвращения случаев повреждения или уничтожения памятников археологии; ведение охранных археологических работ на памятниках, попадающих в зону новостроек; контроль за установкой охранных знаков на памятниках археологии и разработка охранных зон этих памятников; пропаганда памятников археологии среди населения и др.

В 1981 г. в состав отдела вошли 3 научных сотрудника; в 1986 г. здесь работало уже 20 человек (зав. отделом, 2 старших и 4 младших научных сотрудника, 2 старших и 10 техников, реставратор и водитель), из них 17— в составе хозрасчетной группы. За 5 лет, прошедших со дня основания отдела, его сотрудниками обследовано и взято на государственный учет свыше 1000 памятников археологии, в т. ч. более 400 открыто впервые. Разработаны и утверждены охранные археологические зоны на территории Чернигова, Новгорода-Северского, Остра и др. Согласовано более 2500 проектов на создание мелиоративных, дорожных, промышленных и других объектов, что позволило уберечь от разрушений десятки памятников. Отрядами археологической экспедиции музея, а в ряде случаев — совместно с ИА АН СССР и НА АН УССР, другими научными учреждениями страны проведены охранные исследования ряда памятников края. Впервые осуществлен опыт сплошного археологического обследования целых регионов области. Так, в междуречье Десны—Днепра—Снови выявлено и обследовано свыше 300 памятников различных эпох; проведено массовое картографирование курганов II--I тыс. до н. э. на юге области. Это позволило в числе первых закончить подготовку областного тома «Свода памятников истории и культуры» по разделу «Археология», опубликовать свыше 100 научных статей. Правилом стало регулярное участие в работе научных семинаров и конференций. При участии отдела начали работать историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» и областные краеведческие конференции.

С целью пропаганды памятников археологии регулярно читаются лекции для населения города и области, периодически публикуются заметки в местной прессе. Вопросы охраны памятников археологии неоднократно поднимались в передачах местного и республиканского радио; о результатах археологических работ отдела снимались передачи для республиканского и всесоюзного телевидения и кино. Активной пропаганде памятников археологии Черниговщины способствуют работа при отделе городского школьного клуба «Юный археолог» (св. 150 чел.) и археологического студенческого кружка (более 30 чел.).

И все же, многие проблемы, связанные с памятниками археологии, по-прежнему далеки от разрешения. Различные районы области все еще обследованы крайне неравномерно. Значительная часть памятников не паспортизирована, на подавляющем большинстве из них не установлены охранные знаки, не разработаны охранные зоны, вследствие чего еще имеют место случаи повреждения и даже уничтожения отдельных памятников археологии. Недостаточно изучены фонды и архивы Черниговского и других музеев. Крайне слабой остается материальная база отдела: практически отсутствуют элементарно приспособленные для работы помещения, нет транспорта, не хватает оборудования и снаряжения.

Существенной перестройки требует и работа республиканских органов охраны памятников. В числе важнейших и первоочередных ее задач — создание республиканского хозрасчетного отдела, который явился бы координационным и методическим центром по проведению охранных археологических исследований в зонах новостроек на всей территории УССР.

Журавель Г. Г.

Полтавская областная организация Общества охраны памятников истории и культуры

УЧАСТИЕ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Полтавская областная организация Украинского общества охраны памятников истории и культуры в своей работе уделяет большое внимание охране памятников археологии. С 1969 г. при правлении областной организации работает научно-методическая секция памятников археологии, которая объединяет всех археологов областного центра, сотрудников музеев области, краеведов и журналистов. Традиционно секция ведет пропаганду памятников археологии путем чтения лекций, подготовки к изданию плакатов, организовывает выступления по областному радио и в периодической печати по вопросам охраны археологических объектов, ведет работу со школьниками. Результатом деятельности первого десятилетия секции стало издание «Довідника з археології України. Полтавська область» (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982), налаживание учета и постановка под охрану, проведение паспортизации основных памятников археологии области. По инициативе секции, правлением областной организации финансировалось проведение ряда охранных археологических исследований на памятниках области. Для этих же целей только в 1987 г. выделено 20 тыс. руб., освоенных экспедициями институтов археологии АН СССР и АН УССР, Полтавского краеведческого музея. В течение 1982—1986 гг. функционировал разведотряд секции, который произвел обследования многочисленных памятников археологии в Поворсклье и Посулье от мезолитического до позднесредневекового времени, охранные раскопки участка древнерусского «змиева» вала у с. Вязовок Лубенского района и ряда курганов, обследовал участок эскарпированного склона правого коренного берега р. Ворскла между сс. Решетники — Правобережная Сокилка, связанный исследователями нач. XX в. со «змиевыми» валами.

В настоящее время, в связи с совершенствованием форм работы областной организации Общества, деятельность секции должна включать следующие направления.

1. С подготовкой Свода памятников истории и культуры Полтавской области почти все члены секции были включены в состав авторской группы Свода и приняли участие в обследовании археологических памятников области. Важнейшей задачей авторского коллектива является предоставление в срок научно достоверной информации для планируемого издания — статей о памятниках края. Скорейшая публикация капитальной работы о памятниках области оказала бы существенное содействие охране археологических объектов.

2. Параллельно с разведками по Своду планируется поэтапное обследование районов для составления точных археологических карт и проверки состояния известных памятников, что будет содействовать научному планированию последующих работ и организации охранных мероприятий государственными органами охраны памятников на местах.

3. С перенесением центра тяжести охранных работ на сектор археологии отдела охраны памятников областного краеведческого музея секция не должна снимать с себя обязанностей проведения охранных исследований на

памятниках, разрушающихся в силу естественных причин, прежде всего, в зонах размыва побережья водохранилищами и реками области.

4. В плане пропаганды памятников археологии и донесения до широкой общественности результатов археологических исследований на Полтавщине секцией планируется проведение выставок новых находок и региональных археологических конференций, положительный опыт организации которых совместно с областным музеем уже имеется.

5. Не менее актуальным остается практическое применение результатов полученных исследований в охранной работе. Широкая известность хозяйственникам и проектантам месторасположения памятников археологии невозможна без наличия кратких районных справочников, в которые бы были включены не только имеющиеся в наличии обследованные памятники, но и минимальные данные об уже обнаруженных и исследованных объектах, источники этой информации. Видится возможным издание таких справочников фотоспособом, необходимыми для того или иного района тиражами, в пределах 300—500 экз. и объемом в 2—3 печатных листа. Во вступительной части издания должны быть помещены списки охраняемых объектов в районах, выдержки из соответствующих постановлений областных и районных исполкомов Советов народных депутатов, адреса и телефоны районных и областных государственных органов охраны памятников. В идеале, издание должно приближаться по форме к уже изданному академическому справочнику по Полтавской области (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982). Секция, в качестве эксперимента, планирует в этом году подготовку к печати такого справочника по Карловскому или Полтавскому районам.

6. К работе секции должны быть привлечены краеведы области, не только в качестве информаторов о разрушениях, но и в качестве активных участников археологических разведок. Планируется подготовить к проведению несколько выставок из личных собраний краеведов, осуществить закупку ценнейших находок государственными музеями области.

Претворение в жизнь намеченных планов и активизация деятельности секции послужит делу улучшения охраны памятников археологии области.

Черняков И. Т., Шевченко Н. П.

Институт археологии
АН УССР

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОХРАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОНЕ КРЕМЕНЧУГСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

1. Западная часть Полтавской области охватывает территорию Левобережья Среднего Приднепровья на границе степной и лесостепной зон, культурно-историческое и хозяйственное развитие населения которых в древности было различным, хотя и взаимосвязанным. Исследование археологических памятников этого уникального региона в силу разных причин долгое время не было предметом специального научного изучения.

2. При строительстве Кременчугского водохранилища (1960 г.) были проведены лишь разведки археологических памятников и небольшие по объему раскопки на некоторых из них. Основная часть памятников, в том числе и большие курганы в долине Днепра, была затоплена. Береговая зо-

на левого коренного берега Днепра и прилегающая часть плато оказались в условиях интенсивной водной эрозии. Никаких специальных экспедиций по наблюдению и изучению разрушаемых археологических памятников длительное время не производилось.

В 1986—1987 гг. в связи со строительством Градижской ОС в этом районе начала охранные исследования новостроечная экспедиция Института археологии АН УССР, которой раскопано 30 курганов со 117 погребениями различных культурно-хронологических групп (ямная, катакомбная, многоваликовой керамики, скифы, сарматы, кочевники, позднее средневековье). Кроме раскопок, сотрудники экспедиции проводили разведки и изучали коллекции местных краеведов (В. Баранова, В. Тараненко, Л. Бахмата).

3. В результате последних исследований северо-восточного берега Кременчугского водохранилища установлены основные вехи культурного и хозяйственного развития этого региона на протяжении длительного периода истории — от эпохи каменного века до позднего средневековья. Принципиально важным является открытие В. Барановым и В. Тараненко целой серии позднепалеолитических и мезолитических стоянок от пгт. Градижска до с. Шушваловки, заполняющих целую лакуну на карте расселения древнего человека на территории Украины. Открытие и изучение значительного количества погребений ямной, катакомбной и многоваликовой культур с присущими им специфическими чертами позволяют выделить особую, кременчугско-чернобаевскую группу памятников указанных культур на Левобережье Днепра. Находки литейных форм и бронзовых наконечников стрел сабатиновской культуры свидетельствуют о конфликтных взаимоотношениях со срубными племенами лесостепной зоны. Обнаруженные остатки разрушенных поселений чернолесской культуры позволяют по-новому осветить вопросы о продвижении чернолесских племен с Правобережья на Левобережье Днепра вдоль границы лесостепи. Огромное количество находок скифских наконечников стрел V—IV вв. до н. э. и обнаруженные ограбленные погребенья со сложными погребальными камерами на сравнительно небольшой территории Кременчугского и Глобинского районов являются доказательством особого значения этого региона во взаимосвязях племен степной и лесостепной Скифии, а также выявляют еще одну крупную отдельную (кременчугскую) группу скифских памятников.

4. Результаты первых предварительных научных обобщений археологических исследований памятников северо-восточного берега Кременчугского водохранилища свидетельствуют не только о значительной важности этого региона в истории развития древнего населения Среднего Поднепровья пограничной области лесостепной и степной зон Левобережья, но и о его большой роли во взаимосвязях племен и различных культур, в расселении отдельных этнокультурных групп.

Большим недостатком в этих исследованиях в настоящее время является довольно ограниченная подборка памятников, не позволяющая дать всеобъемлющую характеристику хозяйственных и культурно-исторических контактов древнего населения. Многие археологические памятники уничтожены в результате строительства Кременчугского водохранилища, а материалов из исследуемых новостроечными экспедициями курганов, расположенных на значительном расстоянии от берега Днепра, недостаточно для восстановления картины конкретных исторических процессов. Поэтому, наряду с дальнейшим проведением охранных исследований всех разрушаемых в ходе различных строек археологических объектов, необходима скорей-

шая организация постоянно действующей экспедиции по изучению наиболее ценных памятников, интенсивно разрушаемых водной эрозией, создание сети краеведов-корреспондентов, учет всех частных коллекций и строительство народных музеев во всех школах, колхозах, совхозах. Первоочередной целью является организация филиала Полтавского краеведческого музея в пгт. Градижске.

И. Н. Гавриленко, Л. В. Голыник

Полтавская облорганизация
Общества охраны памятников
истории и культуры

ЛИТЕРАТУРА О ПАМЯТНИКАХ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА ПОЛТАВЩИНЫ: ОШИБКИ И НЕТОЧНОСТИ

Подготовка материалов к Своду памятников истории и культуры народов СССР, издания, включающего все недвижимые памятники, требует тщательной проверки имеющихся данных о них. В этой связи понятно значение историографических изысканий, равно как и картографирования памятников. Проделанная работа, направленная на устранение имеющихся в литературе неточностей и упорядочение опубликованных данных, охватывает мезолитические и неолитические памятники бассейнов рек Сулы, Псла, Ворсклы в пределах Полтавской области.

Одной из распространенных ошибок является неверное территориальное размещение памятников при картографировании. В одних случаях это привело к перенесению их из соседних областей на Полтавщину, в других— наоборот. Несуществующими оказались неолитическое поселение возле с. Абазовки Полтавского района и ранненеолитическая мастерская в с. Сахновщина Машевского района. На самом деле названные памятники находятся за пределами Полтавской области: на р. Берестовой—первый и р. Орельке — второй (Тахтай, 1928). На карте 4 «Археологии Украинской ССР» (т. 1) поселение Глинск—Сурмачево Роменского района Сумской области ошибочно помещено где-то на границе Лубенского и Лохвицкого районов Полтавской области. Неолитическое местонахождение у хут. Хуторцы, открытое М. Я. Рудинским, следует искать между селами Деревки и Лихачевка Котелевского района Полтавской области (по современному административно-территориальному делению), а не на территории Сумщины (Неприна и др., 1986). На упомянутой выше карте в «Археологии...» днепро-донецкое поселение Петровка (Крутая Балка) из Новосанжарского района переместилось, во-первых, на правый берег Ворсклы, во-вторых, намного выше по течению: несколько севернее г. Полтавы. В двух случаях разные источники расходятся в определении места памятников относительно реки: Бодаквы (ур. Копыловщина) Лохвицкого района, открытой Ф. Б. Копыловым в ходе разведок по правому берегу р. Сулы, и Поповки Глобинского района (Товкачевский, 1961). Последнее — поселение, давшее материал нескольких этапов развития неолита в данном регионе, — претерпело наиболее существенные метаморфозы. Оно «превратилось» в поселение у с. Сухорабовки и сразу в два пункта, днепро-донецкой культуры и неолита ямочно-гребенчатой керамики, вблизи с. Литвиновки Решетиловского района (Сидоренко и др., 1982). Четыре памятника — вместо одного реально существующего!

Датировка памятников. В работах обобщающего характера упрямо повторяется неолитическая датировка поселения в Лубнах на Лысой горе, хотя это неверное определение принадлежит времени, когда энеолитический период еще не был выделен как таковой. Вызывает сомнение отнесение к неолиту местонахождения у с. Глинское, ур. Чернецкие Горбы или Бугры на Ворскле, о котором А. К. Тахтай сообщал, что происходящий оттуда кремень «грубо оббивной техники». Следует признать поспешным вывод о существовании мезолитического местонахождения у с. Снитин Лубенского района (Сухобоков, Юренко, 1987). Случайная находка в ур. Переброд одного только гарпуна не дает оснований для столь категоричного утверждения, поскольку изделия подобного типа бытовали в довольно широком временном промежутке.

Нуждается в проверке если не сам факт существования, то по крайней мере датировка целого ряда памятников, введенных в научный оборот на основании сообщений краеведов, знакомства с разрозненными и неполными музейными коллекциями, других источников, не могущих быть признанными вполне достоверными. Так, находка скребка в окрестях пгт. Оржицы вряд ли служит подтверждением наличия там неолитического поселения. Отсутствуют сведения об авторстве и дате открытия, топографии, площади, характере находок, точные привязки таких же сомнительных поселений, как эпохи неолита в Нижних Млинах, мезолитического и неолитического — в Вакулинцах на Ворскле, среднего неолита (?) в Сергеевке (Краснознаменке), неолита в Ковалевке и Сарах на Псле, мезолитического по одним, неолитического по другим источникам поселения в Крутом Береге на Суле (Історія міст і сіл...; Сидоренко и др., 1982).

Требуют осторожного обращения названия памятников. Крайне недопустимы опускания индексов, наименований урочищ, употребление лишь одного из параллельных названий (выразителен пример трансформации Поповки в Сухорабовку), изменения названия памятников вслед за переименованием населенных пунктов, небрежность и авторские вольности типа «Велыка» вместо официального «Великая Рублевка», допускаемые порой в орфографии. Эти варианты написания, могущие быть воспринятыми в качестве самостоятельных, «увеличивают» общее количество памятников, искажают реальную картину. Нередко возникают недоразумения из-за непонимания, о каких памятниках идет речь. Под выражением типа «Федоровское поселение» может подразумеваться как Федоровка 6, так Федоровка, ур. Голыши (Голыши), они же и Федоровка 17 на р. Хороле. Кроме упомянутых выше приведем варианты названий и других памятников: Демченко, ур. Лука 1 (или просто Лука) — Демченково; Иваново Селище ур. Пески и Пески 1) на р. Хороле, Солоница, хут. Туркачив 1 (и Туркачив) на Суле, Кустоловы Кущи 3 — Исаевка; Брусия — Михайловка на р. Ворскле.

Несомненно: причины ошибок кроются в поверхностном ознакомлении с литературой, отсутствии должной критики источников, незнании всего их объема. Особенно они характерны для обобщающих и сводных работ.

Авторской группе свода следует учесть выявленные недостатки и заострить внимание на более тщательной работе с источниками информации, чтобы подготовить Свод полноценным изданием, не требующим в будущем корректировки по уже известным памятникам.

Е. Л. Гороховский

Институт археологии
АН УССР

КАНТЕМИРОВСКИЕ КУРГАНЫ НА ПОЛТАВЩИНЕ И ПРОБЛЕМА ДРЕВНОСТЕЙ РАННЕГУННСКОГО ПЕРИОДА НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В 1924 г. М. Я. Рудинский исследовал 3 кургана с одиночными захоронениями у с. Кантемировка в бассейне р. Коломак на юго-востоке Полтавской области. Вскоре была издана подробная публикация и первоначальная интерпретация результатов исследований (Рудинский, 1930). Автор описал 3 захоронения с трупоположениями различной сохранности, совершенные: в подбойной могиле, обширной и глубокой; яме с заплечиками и остатками деревянного наката, а также — в катакомбе с продольным расположением погребальной камеры и входной ямы. Богатые погребения в курганах № 1 и № 3 были — «сидячие», расположенные под стенками погребальных камер. Последнее находилось на деревянном помосте. Они содержали «дары» (заупокойные приношения в виде глиняных сосудов, предметов конской упряжи), а также — детали личного убора: поясные и обувные пряжки, наконечники ремней из бронзы и биллона с основным содержанием серебра, др. предметы. В кургане № 2, кроме глиняной посуды, были остатки стеклянного конического кубка и калачиковидная пряжка.

Автор интерпретировал открытые им памятники как варварские древности III—IV вв., отражающие разноплеменной состав населения Юго-Восточной Европы того периода и указал на общие элементы с черняховскими «полями погребений». (Там же). Эта датировка была оспорена Л. А. Мацулевичем (1934), отнесшим кантемировские курганы к гуннскому времени — рубежу IV—V вв. В позднейших работах (Смирнов, 1954; Ляпушкин, 1961; Тиханова, 1957 и др.) эти памятники были интерпретированы как позднесарматские — синхронные или связанные с черняховской культурой. Однако материал этот, со времен первой публикации, специально не исследовался под углом зрения его хронологии и более четкого культурного определения. Сложность проблемы состояла также в том, что рядом с курганами был открыт грунтовой черняховский могильник (Махно, 1952) и поселение, соотношение которых с погребениями в курганах оставалось не вполне ясным.

Изучение материалов раскопок М. Я. Рудинского в фондах ПКМ, проводившееся автором, подтвердило мнение специалистов о связи Кантемировских курганов с черняховской культурой, так как все гончарные сосуды и бронзовые поясные пряжки — типично черняховские. Серебрянные пряжки и ременные наконечники (курган 1), маленькие кольцевые пряжки (курган 3) имеют аналогии в Крыму — в комплексах гуннского времени на Госпитальной улице в Керчи (Засецкая, 1979), памятниках первой половины V в. на Северном Кавказе (Гиляч) и Закавказье (Цебельдинские некрополи). Тот же круг аналогий можно указать для узких полулунных ременных накладок и ромбической золотой бляшки с альмандином полихромного стиля.

Сочетание элементов Черняховской культуры и северо-кавказских (последние ярко отражаются в погребальном обряде) позволяет интерпретировать погребения как аланские, оставленные населением, находившимся в составе или близких контактах с носителями черняховской культуры. По

классификации Н. М. Кравченко погребения в 1 и 3 курганах можно отнести к археолого-социологическому типу высшего ранга, отражающему племенную верхушку черняховцев.

Кокретная хронология комплексов: вторая половина или конец IV в. (курган № 2) и первая треть V в. (курганы № 1 и № 3) по пряжкам и другим изделиям из металла. Они синхронизируются с центральноевропейскими древностями 375/380-420/430 гг. (по Я. Тейлару — ступень $Д_1$), северокавказскими, крымскими памятниками, указанными выше, и входят в состав позднейшего хронологического горизонта черняховской культуры (Гороховский, 1985).

Условно, период, к которому принадлежат Кантемировские курганы, можно именовать «раннегуннским». Он падает на время от появления гуннов в южнорусских степях до поселения их как организованной силы, составлявшей верхушку разноплеменного варварского населения, на Среднем Дунае во главе с предшественниками Аттилы. Значительную массу населения гуннского союза составляли аланские племена, покоренные гуннами и находившиеся с ними в союзных отношениях.

Кантемировские курганы отражают, вероятно, аланский компонент в составе населения черняховской культуры эпохи гуннского владычества. Типично черняховская посуда и позднейшие типы пряжек, сочетаются с такими характерными предметами начала раннего средневековья как: мечевидние поясные наконечники, встреченные и в более поздних комплексах гуннского времени (Мундольсхайм, Ольвия), полихромное украшение (Керчь). Важным отличием комплексов позднего гуннского периода от раннегунских является наличие пряжек с круглопроволочными длинными язычками, выступающими «хоботком» вперед, в отличие от «притертых» к рамкам кантемировских язычков, аналогии которым есть в позднечерняховских погребениях (Журавка, Гавриловка и др.).

Типичным комплексом позднегуннского периода, синхронным среднедунайским древностям стадии $Д_2$ — т. н. «эпохи Аттилы» на Полтавщине является погребение у х. Яременки, содержавшее характерный набор пряжек с хоботковидными язычками, аналогичный находкам из Новогригорьевки, Зеленокумска, др. кочевнических памятников «развитого» V в. и синхронных памятников Крыма.

Кантемировские курганы — не единственный комплекс раннегуннского времени на юге Восточной Европы. К тому же периоду можно отнести погребения в катакомбах из Дмухайловки на Днепропетровщине, Нижнего Подолья (Шалобудов, Андросов, Мухопад. 1983, рис. 2, 11—17; Мелентьева, 1973), комплекс из некрополя в Николаевке-Казацком (раскопки Э. А. Сымоновича) и др. Они хронологически следуют за позднесарматскими (аланскими?) древностями IV в., представленными Благовещенским могильником в Надпорожье, памятниками Буджакской степи (Курчи), бассейна Северского Донца (Воронцовка) и др., характеризующимися погребельными обрядами, близкими кантемировским, и присущими аланским памятникам Северного Кавказа (Ср. Габуев, 1984).

Таким образом, Кантемировские курганы-памятник, имеющий исключительное значение для выделения древностей раннегуннской поры в Восточной Европе, свидетельствующий также о сохранении материального комплекса черняховской культуры в первой трети V в. и служащий звеном в хронологической цепи от аланских памятников IV в. к древностям кочевников «развитого» V в.

Сергин В. Я.

Институт археологии
АН СССР

К ОСНОВНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ТИПА

Поселения среднеднепровского типа — наиболее многочисленная в палеолите группа однородных поселений с выявленными жилищами и другими объектами. Их бытовая обстановка обрисовывается с наибольшей полнотой и достоверностью. Однако имеются вопросы, связанные с этими поселениями, которые еще не подвергались исследованию. Коснусь трех из них.

1. Данные поселения содержат исключительное для палеолита количество остатков мамонта. Одни исследователи связывают остатки с охотничьей деятельностью людей, другие — со сбором костей на местах естественной гибели животных, а некоторые придерживаются компромиссной точки зрения. Вопрос этот очень важен, поскольку от его решения кардинально зависит суждение о характере хозяйственной деятельности значительной группы населения и оценка длительности жизни ее поселений. Пока не проведен анализ разнообразных сведений, касающихся вопроса, укажу на важное для его решения обстоятельство.

Приносить на поселение было бы целесообразно лишь крупные кости мамонта, годные при сооружении жилищ. Однако огромное количество крупных костей обнаруживается в хозяйственных ямах Если бы это было отмечено на одном поселении, кости допустимо было бы считать неиспользованным запасом строительных материалов. Но костями забиты ямы ряда поселений, что отвергает подобную случайность. А перемешанность крупных костей мамонта с мелкими, с обломками костей различных животных, с углем, кремнем и другими остатками квалифицирует содержимое ям как отбросы. По-видимому, крупные кости, как и все остальные, содержащиеся в ямах, появились на поселениях в результате промысла животных. Можно полагать, что и крупные кости из конструкций жилищ попадали на поселения в основном тем же путем.

2. Совершенно не выясненным остается вопрос, использовались ли поселения круглый год или только какую-то часть года. Попытка установить это для Гонцовского поселения склоняет к мысли о круглогодичном его использовании. О зимнем обитании людей свидетельствуют фундаментальность конструкции жилища и наличие ям для запасов мяса, об обитании в теплый период — размещение очагов и массы следов производственной деятельности под открытым небом. Лишь в теплый период могли быть добыты самки оленей со сброшенными рогами, выкопаны ямы, врыты черепа мамонтов в конструкции жилища. Рассмотрение данных по другим поселениям открывает подобную же картину.

3. Рассматриваемые поселения располагаются в бассейне Среднего Днепра и отчасти на Дону. При расселении людей по этой области им, очевидно, приходилось преодолевать различные водные препятствия. Как это происходило? Орудий для сооружения плотов и лодок еще не имелось, и через сравнительно небольшие реки и ручьи люди могли переходить вброд, перенося детей и имущество на себе. Однако крупные реки, судя по их характеристике в палеогеографической литературе, преодолеть таким же образом едва ли было возможно. А между тем, группа наиболее сходных поселений (Межирич, Гонцы, Добраничевка) располагается по обе стороны Днепра.

Нет оснований предполагать, что переселение в данном случае происходило в обход крупных рек по периметру Днепровского бассейна. Приходиться допускать, что Днепр переходили по льду, вероятнее всего, после ледостава или перед вскрытием реки. В первом случае была необходима заблаговременная подготовка нового поселения.

В. И. Неприна

Институт археологии
АН УССР

МАСТЕРСКАЯ И СТОЯНКА ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ПОСУЛЬЕ

1. С 1981 г. на городище Снепород в Посулье, вблизи с. Мацковцы Лубенского района Полтавской области, проводятся совместные работы Институтов археологии Академии наук СССР и УССР. Городище относится к эпохе Киевской Руси. Кроме того, на городище повсеместно встречаются остатки предшествующих эпох, наиболее древние из них относятся к мезолиту.

2. Остатки мезолитического времени были в основном сосредоточены вблизи двух очажных ям, располагавшихся на дне древнего овражка, пересекавшего городище с северо-запада на юго-восток, от хорошо видного въезда с напольной стороны.

3. Над одной из ям, на краю древнего овражка, стоял крупный валун, возле которого у подножья лежали крупные орудия — 2 топора, нуклеус, молоток-отбойник и крупное рубиловидное орудие ашело-мустьерского облика. Анализ изделия показал его вторичное использование вблизи мезолитических кострищ. Около самой глубокой очажной ямы (2,32 м от поверхности) были найдены 3 нуклеуса: одноплощадочный с несколькими параллельными снятиями, двухплощадочный на удлиненной гальке, одна из площадок его скошена, и плоский нуклеус, резцовый скол и два примитивных ножа на пластинчатых обломках галек.

4. Культурный слой городища залегает на древней морене, насыщенной кремневыми и кварцитовыми гальками (многие из них имеют следы сколов от предварительной огранки под нуклеусы), а также первичными сколами, кусками галек и маловыразительных орудий. Все эти признаки говорят о том, что здесь в древности из морены добывался кремень, а крупные орудия и рубиловидное орудие служили для выкапывания галек из нее. Это была древняя мастерская по добыче и первичной обработке кремневых галек для последующего изготовления из них орудий труда.

5. В 1985 г. А. Б. Супруненко и И. Н. Гавриленко в 2 км вверх по р. Слепороду, в урочище Данылив островок, обнаружили и саму стоянку, на которой обитал коллектив людей в эпоху мезолита, с деятельностью которого можно с уверенностью связывать мастерскую на городище.

6. В 1986 г. В. И Неприна и А. Б. Супруненко раскопали на этой стоянке, в урочище Данылив островок — Вязовок 4 а, жилище мезолитического времени. Оно представляло собой остаток углубленного в землю овального в плане сооружения в виде чума с двумя очагами, причем, можно было видеть, что жилище использовалось дважды. По-видимому, население стоянки вело сезонные передвижения, связанные с ведением охотни-

чьего хозяйства, периодически посещая места прежних стоянок. Остатки костей животных, на которых охотились, по предварительному определению Н. С Белан, принадлежали барсуку и бизонам (зубрам).

7. Кремневый комплекс в целом имеет отщеповый характер. Из орудий встречены скребки, резцы, скобели, микролиты — трапеции и треугольники. По характеру ретуши, микролитам и другим признакам стоянка отнесена к концу раннего периода мезолита. По культурным особенностям она принадлежит к кругу надпорожско-донецких памятников, отражая в своем инвентаре соприкосновение северных и южных культурных влияний.

8. Научная значимость комплекса стоянки и мастерской велика. Это первая мезолитическая стоянка в Посулье в комплексе с мастерской, отличающаяся хорошей сохранностью культурных остатков. В целях полного представления об этом уникальном памятнике Посулья и его сохранности для будущего, необходимо продолжить полевые исследования и исследовать эту стоянку полностью.

Чередниченко Н. Н.

Институт археологии
АН УССР

О ПИВИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

В 1984 г. Лесостепной Левобережной экспедицией ИА АН УССР в процессе проведения охранных раскопок в зоне строительства газопроводов на территории Полтавской области были открыты и частично исследованы памятники, относящиеся к пивихинской культуре. Полученные данные впервые позволяют более полно раскрыть содержание данной культуры, поскольку известные ранее разрозненные коллекции не представляли такой возможности.

Территория распространения. В настоящее время уже достаточно оснований для того, чтобы очертить территорию распространения памятников пивихинского типа — в основном, это Днепровское Лесостепное Левобережье. Видимо они захватывали и северную кромку степей, но следует подчеркнуть, что культура по своей сути — лесостепная. На правом берегу Днепра известны лишь отдельные пункты с керамикой пивихинского типа; здесь они располагаются вдоль Днепра и совершенно неизвестны в глубине Правобережья. Восточной границей их распространения можно пока условно считать область среднего течения Сулы.

Топография. Из памятников пивихинского типа открыты сейчас только поселения, могильники пока неизвестны. Поселения представлены двумя группами: первая — базовые поселения, располагаются они на высоких мысах и останцах коренного берега, культурный слой насыщен остатками материальной культуры и стационарных жилищ; вторая группа — сезонные поселения, находящиеся на дюнных всхолмлениях в поймах рек. Планировка жилищ пока не установлена. В настоящее время лишь известно, что на самых архаичных поселений жилищами являлись землянки, а на более поздних зафиксированы наземные глинобитные жилища.

Материальная культура представлена, в основном, керамикой, в меньшей степени — изделиями из камня и кремня. Металлические вещи не обнаружены. Большая часть керамики серого или бурого цвета; керамика красного цвета, с примесью кровавика, якобы характерная для Пивихи, присутствует во всех коллекциях в меньшем количестве. Доминирующей

примесью в керамической массе является песок, затем дресва, толченый кварцит, и, наконец, — мелкотолченая ракушка, иногда перегоревшая и сохранившаяся в тесте в виде тонких длинных нитей. Незначительная часть керамики изготовлена из прекрасно отмученой глины с желтой или охристой, иногда пачкающейся, поверхностью.

Вся керамика плоскодонная, ведущей формой являются горшки с отогнутой наружу короткой шейкой; степень отогнутости шейки сильно варьирует, в результате чего имеются промежуточные формы, в том числе и с прямым венчиком, имеются также миски с прямым или загнутым во внутрь краем.

Основным видом орнаментации являются «жемчужины», расположенные под краем сосуда или по его шейке, иногда они защиплены, часто защипами украшен край сосуда; «жемчужины» наносились в сочетании с оттисками мелкозубчатого и крупнозубчатого гладкого штампов. Довольно распространены отпечатки «гусеничного» штампа и мелкого шнура—единичные клиновидные ямки и «скобочный» орнамент. Изделия из камня представлены пестами, растиральниками и т. д. Наиболее значительной находкой из этой серии является крупная зернотерка. Большой интерес представляет также глиняная модель колеса с односторонней ступицей. Насколько нам известно, это пока единственная находка эпохи энеолита — ранней бронзы в лесостепном регионе Восточной Европы.

Хозяйство. Остеологический материал, полученный в результате раскопок, позволяет утверждать, что основой хозяйства носителей пивихинской культуры являлось скотоводство, причем, в составе стада преобладали лошади, а на втором месте находился крупный рогатый скот. Стада выпасались на прекрасных пойменных лугах, что и фиксируется сезонными стоянками. Другой отраслью комплексного хозяйства являлось земледелие. Пастбищное скотоводство нуждалось в колесном транспорте, в результате чего здесь использовались повозки на дисковых колесах, необходимость в которых была и при выполнении работ земледельческого цикла.

Датируются памятники пивихинской культуры по наличию в керамике признаков Триполья конца этапа В—нач. C_1 рубежом IV—III тыс. до н. э. Более архаичными представляются поселения типа Струлевой горы и Приси, более поздними, — Михновская гора, Лысая гора и др.

Луговая Л. Н., Супруненко А. Б.

Полтавский краеведческий
музей

ПОГРЕБЕНИЕ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ВАСИЛЬЕВКА

В 1981 г., при раскопках курганного могильника скифского времени у с. Васильевка Диканьского района, был исследован распаханный курган высотой 1,05 и диаметром 21 м, содержавший 3 погребения эпохи бронзы. Курган располагался на плато правого коренного берега р. Ольховой Говтвы (бассейн р. Псел), в 1,5 км к северо-западу от села.

Особый интерес представляет погребение 3, которое было совершено у подножия насыпи небольшого кургана высотой до 0,4 и диаметром 26 м, возведенного над плохо сохранившейся могилой эпохи энеолита — ранней бронзы. С погребением 3 было связано сооружение с западной стороны

первичной насыпи мощной досыпки и разведение у вершины первичного кургана кострища, обнаруженного по пятну прожженой почвы и скоплению углей размером 0,6х0,8 м. Видимо, с функционированием кострища связаны оставленные на склоне насыпи древнего кургана истлевшие бревна, лежавшие в меридиональном направлении на площади 1,2х6 м, и несколько бревен у основания первичной насыпи, расположенных в широтном направлении на площади 1,8х2,9 м. Сверху, на них были заметны следы посыпки мелом, снизу — угли. В массив досыпки впущено срубное погребение с юго-восточной ориентацией, сопровождавшееся развалом сосуда баночной формы.

Погребение 3 было совершено с уровня древнего горизонта в удлиненной, слегка изогнутой, подпрямоугольной яме с закругленными углами, ориентированной по длинной оси С-Ю. Ее размеры 0,95х4 м, глубина — 1,35 м. В заполнении выявлены остатки деревянного перекрытия в виде нескольких поперечных и продольных плах наката. На ровном дне ямы сохранились следы растительной подстилки.

Захоронение парное. Положение скелетов одинаковое: скорченное на левом боку, головой на север, лицом к востоку. Руки согнуты в локтях, кисти сложены у груди. Один из погребенных находился в северной части ямы; второй — в южной, в 1 м один от другого. Перед «северным» скелетом лежало навершие мраморной булавы с остатками деревянной рукояти, у ног находилась лепная миска; в изголовьи «южного» стоял лепной кубок (Памятники...: каталог, 1985, с. 15, рис. 45—47).

Навершие булавы с боченковидным овально-усеченным корпусом и четырьмя сферическими выступами изготовлено из белого мрамора. Поверхность навершия хорошо отполирована. Оно сверлено на конус сверху. Размеры: высота — 5, диаметры: корпуса — 5,7 максимальный — 6,5, отверстия — 1,4—1,6 см. Тонкостенная миска со слегка утолщенным и загнутым внутрь краем венчика, расширяющимися кверху, немного стянутыми, стенками с перегибом на середине высоты и плоским дном украшена отпечатками линейного штампа. По венчику она орнаментирована двумя рядами косых насечек и двойной зигзагообразной полосой, у основания венчика и ниже по корпусу — тремя рядами косых оттисков штампа. Высота мыски — 8,2, диаметры: венчика — 14, дна — 7,5 см. Тонкостенный кубок имел почти цилиндрическую форму с едва намеченным перехватом посредине высоты. Край венчика немного загнут во внутрь, дно уплощенное. Кубок орнаментирован в верхней части рядом отпечатков линейного штампа, ниже — горизонтальными оттисками шнура, расчлененными по перехвату зоной вертикальных прочерченных линий. Высота кубка — 7, диаметры: венчика — 11, дна — 10,1 см. В тесте сосудов примеси мелкого песка и толченого шамота.

Рассматриваемый погребальный комплекс с полным основанием можно отнести к среднеднепровской культуре (далее СДК), погребения которой обычно являются впущенными в курганы с основными могилами более раннего времени, сопровождаясь сооружением обязательной досыпки. Прямоугольные погребальные ямы значительных размеров с бревенчатым накатником выявлены в могильниках Стрелица, Ходосовичи (ур. Мошка), в кургане у г. Городище на Черкасщине. Ориентация и положение погребенных в исследованном кургане характерны для конца среднего этапа СДК (Артеменко, 1985, с. 370). Из общего числа памятников СДК погребение у с. Васильевка выделяется своеобразным комплексом сопутствующего инвентаря. Это своеобразие ему придает наличие булавы со сферическими выступами. До настоящего времени опубликована только одна находка навершия булавы из могильника в ур. Стрелица (Артеменко, 1967, рис. 59,29). Навершие булав, подобных васильевскому, происходят из катакомбных погребений с керамикой бахмутских и манычских форм Подонья, катакомбных памятников Орельско-Самарского междуречья (Луганск, кург. 1, погр. 20; Подгорное, группа VII, кург. 9, погр. 6). Исследователи датируют указанные комплексы 1700—1600 гг. до н. э. (Братченко, 1976, с. 148, 150—152; Ковалева, 1976, с. 40; 1983, с. 24). Наличие булавы позднекатакомбного времени в рассматриваемом погребении — яркое свидетельство интенсивных контактов среднеднепровского населения с племенами катакомбной культурно-исторической общности (Артеменко, 1967, с. 122; Марина, 1985, с. 60).

Лепные миска и кубок относятся к столовой посуде СДК. Если миска входит в группу сравнительно редко встречаемых типов, то кубки цилиндрической формы с перехватом являются характерными для среднеднепровских погребений. Близкими по форме — для миски — назовем сосуд из насыпи кург. 237 у м. Кагарлык, для кубка — бокаловидные сосуды из Иванковичей и Стретовки. Сосуды из погребения украшены многозонным орнаментом, покрывающим кроме нижней части, почти всю поверхность, что является характерной чертой керамики 2-й пол. среднего периода СДК (Артеменко, 1985, с. 372—373).

Исходя из вышесказанного, погребение у с. Васильевка относится к кон. среднего — нач. позднего этапа СДК.

Наличие среди погребального инвентаря навершия булавы, относимого всеми исследователями к инсигниям власти, — ставит погребение из васильевского кургана в ряд редких погребальных памятников СДК, принадлежащих представителям родо-племенной аристократии, объединяющим в своем лице традиционную светскую и сакральную власть (Артеменко, 1976, с. 89; Ковалева, 1983, с. 82).

В связи с тем, что памятники СДК на территории Полтавщины пока известны в незначительном количестве (Березанская, 1966, с. 52; Бондарь, 1974, с. 170), погребение из васильевского кургана вызывает особый интерес не только как памятник, проливающий определенный свет на вопросы культурно-хронологических взаимоотношений населения контактных зон, и как объект, являющийся свидетельством начавшейся социальной и имущественной дифференциации в среде рассматриваемых племен, но и как еще одно подтверждение освоения территории Лесостепного Левобережья носителями СДК в кон. среднего — на позднем ее этапах. Тем более, что памятники СДК недавно открыты значительно южнее, на территории Днепропетровской области (Ковалева, 1984, с. 87—88; Марина, 1985, с. 54—60), ряд отдельных находок орудий труда и предметов вооружения выявлено и на Полтавщине (Васьковка, Клюсовка, Лубны, Мелехи, Онишки и др.).

Гольник Л. В.

Полтавская облорганизация
Общества охраны памятников
истории и культуры

О РАЗВЕДКАХ В ПОВОРСКЛЬЕ

В 1981—1984 гг. членами секции памятников археологии правления Полтавской организации Общества охраны памятников истории и культуры и Полтавским краеведческим музеем был обследован участок левого берега р. Ворсклы от с. Крутой Берег до с. Белики.

В ходе разведок были выявлены местонахождения, содержащие материалы энеолитической эпохи у сел Головач, Кустоловы Кущи и на территории г. Полтавы (райобъединение Вторресурсы). Фрагменты керамики с поселения Кустоловы Кущи III (ур. Исаевка) могут быть отнесены к среднестоговской культуре (?), а Головач I и Крутой Берег — к позднеямному времени.

Обнаружено 19 поселений и местонахождений эпохи бронзы, в т. ч. поселения культуры многоваликовой керамики у сел Крутой Берег и в ур. Исаевка; малобудковского этапа марьяновской культуры — Головач, ур. Пинчуковы Горбы; бондарихинской культуры — в Головаче и ур. Щорбивка (Кустоловы Кущи VI).

Из семи пунктов (Клюшники II, Лукищина II и III, Головач II, Ткаченково, Малоперещепинская 1 и III) происходят материалы скифского времени. В основном это обломки горшков с характерными для Поворсклья приемами орнаментации — сквозными проколами и валиком, украшенные пальцевыми вдавлениями, фрагменты мисок. Среди находок с поселения Лукищина II — керамические пряслица и подкубический гранитный теточник; Малоперещепинская I — бронзовая булавка с раскованной и загнутой в петлю головкой; Кустоловы Кущи IV — бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы. Обнаруженные материалы датируются VII—VI вв. до н. э.

Поселения черняховской культуры выявлены у сел Дудниково, Ковалевка, Степановка I и II, Малоперещепинская III. Обломки черняховской посуды найдены и в Безручках 1, Головаче II, Малоперещепинской I и II, Лукищине II. Н. Санжарах II.

Находки, обнаруженные в Клюшниках II, Безручках I и III, Лукищине II, Головаче I и II, Кустоловых Кущах III относятся к середине-третьей четверти I тысячелетия н. э.

Материалы исследований левого берега р. Ворсклы дают представление о плотности заселения рассматриваемой территории в разновременные эпохи, дополняют археологическую карту Поворсклья и будут использованы при подготовке тома Свода памятников истории и культуры Полтавской области.

Бондаренко Е. Н.

Секция памятников
археологии правления
Полтавской облорганизации
Общества охраны памятников
истории и культуры

РАЗВЕДКИ ПО Р. СВИНКОВКЕ

В связи с подготовкой Свода памятников истории и культуры Полтавской области разведотрядом областного краеведческого музея летом 1987 г. проведены разведки в Нижнем Поворсклье. В составе отряда автором обследована долина р. Свинковка (правый приток р. Коломак) на всем ее протяжении, в результате чего осмотрено 11 памятников, большинство из которых обнаружено впервые.

Выявлено 4 памятника эпохи бронзы. Наибольший интерес представляет поселение в 60 м к востоку от с. Шилы, материал которого характеризует культуру многоваликовой керамики. Стоянка, обнаруженная у западной окраины с. Бочановка, представлена фрагментами лепных сосудов срубного облика. Фрагменты керамики эпохи средней и поздней бронзы собраны также у сс. Бруневка и Подгорное. Располагаются поселения Шилы и местонахождения Бочановка и Бруневка у края первой надпойменной террассы левого берега р. Свинковки, а стоянка у с. Подгорное занимает такое же положение на правом берегу реки.

Возле с. Руновщина обследовано поселение черняховской культуры. Подъемный материал состоит из обломков гончарной посуды с шероховатой и лощеной поверхностью. Здесь же выявлены еще два пункта с материалами, характерными для славянских культур раннего средневековья (Руновщина II, III). При обследовании обнаруженного ранее поселения близ с. Флоровка (Тахтай, 1928, с. 287—288) найдено несколько круговых фрагментов черняховской керамики. В настоящее время поселение задернованно. У с. Новоселовка (пл. Свинковка) осмотрено селище черняховской культуры, обнаруженное в 1940 г. (Ляпушкин, 1948, с. 31). Все перечисленные памятники располагаются на небольших мысах или у края первой надпойменной террассы левого (Руновщина I и III, Новоселовка) и правого (Руновщина II, Флоровка) берегов р. Свинковки.

В ходе разведок, у края первой надпойменной террассы правого берега р. Свинковки у с. Новая Кочубеевка обнаружен одиночный распахивающийся курган высотой 0,3 и диаметром 30 м. В 1,2 км к северу от с. Руновщина находятся два соприкасающихся полами кургана, один из которых раскапывался в XIX в. И. А. Зарецким (Рудинский, 1928, с. 44) На первом из них в настоящее время сваливается производственный мусор и. по мере накопления, засыпается землей с кургана. В результате таких действий один курган разрушен более чем на половину и нуждается в охранных исследованиях; другой — задернован.

Гавриш П. А.

Полтавский государственный
пединститут

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Экспедиция Полтавского педагогического института в 1986—1987 гг. проводила полевые исследования на территории Полтавской области. Основное внимание было уделено району междуречья Ворсклы и Псла, который остается еще малоизученным. В ходе археологических разведок удалось выявить ранее неизвестные поселения скифского времени по берегам рек Ташань, Грунь, Сухая Грунь, Мужева, Говтва и на Ворскле.

На р. Ташань у с. Комсомольское Зеньковского района обнаружено селище, на поверхности которого собрана лепная керамика VII—III вв. до н. э., а также привозная античная амфорная керамика. В окресностях с. Шенгариевка Зеньковского района, на правом коренном берегу р. Грунь, находится три древних поселения. Селище Шенгариевка 1 имеет площадь 8,5 га, а селище Шенгариевка-3 — 6 га. Материалы из культурного слоя датируют эти памятники скифским временем. Большой интерес представляет поселение Шенгариевка-2 площадью около 20 га. В южной части оно частично разрушено при строительстве водозащитных сооружений. На поверхности селища хорошо видны зольные пятна, где сосредоточено основ-

ное количество находок: фрагменты керамики, изделия из глины и камня, обломки античных амфор. Найдена глиняная льячка для разлива бронзы. Всего на поселении собрано несколько сот определяемых фрагментов венчиков лепной посуды. Следует заметить, что примерно треть их относится к чернолощеной керамике, представленной мисками, черепками, кубками, корчагами. Многие из указанных фрагментов имеют резной геометрический орнамент, затертый белой пастой. Весь керамический комплекс селища Шенгариевка 2 датируется раннескифским временем (VII—VI вв. до н. э.) и имеет аналоги в памятниках Поворсклья.

По р. Грунь новые поселения выявлены у с. Пылыпенки, два селища у с. Ступки, одно из которых имеет ярко выраженные зольники и относится к раннескифскому времени. В окрестностях с. Довжик, на высоком плато правого берега р. Сухая Грунь, помимо известного селища раннескифского времени, удалось обнаружить еще три синхронных ему селища. На одном из них имеются хорошо сохранившиеся зольники. Мощность культурного слоя 0,6—0,8 м. Селище с зольниками выявлено также у с. Саранчевка, которое находится в 3 км к западу от Бельского городища. Два древных селища находится в нескольких километрах от с. Дейкаловка Зеньковского района, где на правом берегу р. Мужева обнаружены фрагменты керамики VII—III вв. до н. э. В Диканьском районе у с. Васильевка на берегах Говтвы расположены два скифских селища. На селище Васильевка 1 зафиксированы зольники и найдена чернолощенная керамика, на селище Васильевка 2, кроме керамики скифской эпохи, найден железный ножик.

Помимо разведок, экспедиция Полтавского пединститута приступила к раскопкам селища у с. Саранчевка. Памятник занимает территорию 15 га на правом берегу пересыхающей р. Сухая Грунь между Зайцевым Яром и глубокой балкой. В северо-западной части селища заложен раскоп площадью 503 кв. м. Мощность культурного слоя 0,4—0,6 м. Выявлено 11 ям, две из которых являются остатками небольших построек полуземляночного типа. Два очень близкие по форме погребка имеют ступеньки, расширяющиеся книзу, хорошо утрамбованное песком дно. В ходе раскопок найдены два железных ножа, стамеска, шило, бронзовая гвоздевидная булавка, трехлопастный наконечник стрелы, глиняные пряслица. Керамический комплекс отличается высоким процентом фрагментов чернолощеной керамики, наличием большого числа сосудов с налепным валиком под венчиком. Хронологически и по культурному облику поселение у с. Саранчевка аналогично памятникам VII—VI вв. до н. э. у с. Мачехи, Пожарная Балка на Ворскле.

Открытие новых скифских памятников на Полтавщине уточняет границы распространения культуры Правобережно-Ворсклинского типа на лесостепном Левобережье. Памятники, характерные для среднего течения Ворсклы, распространены и за пределами ее бассейна. Их происхождение и этническая принадлежность остаются предметом дискуссий среди скифологов.

Кулатова И. Н.

Полтавский краеведческий
музей

НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОСУЛЬЕ

На высоком правом берегу р. Удай, у с. Енковцы Киевского сельского Совета Лубенского района в 1984 г., при совершении современного захоронения в насыпи разрушенного кургана, было выявлено несколько металли-

ческих предметов скифского времени. Обнаруженные фрагменты бронзового золоченного шлема (?), железный наконечник копья и бронзовая крестовидная бляха, по свидетельству очевидцев, находились на глубине ок. 2 м, под остатками истлевшего деревянного перекрытия со следами пребывания в огне. Более подробных данных об обстоятельствах находки выяснить не удалось.

На реставрацию в Полтавский краеведческий музей поступили наконечник копья и бляха, обломки шлема были утрачены.

Железный втульчатый наконечник копья имеет лавролистную форму, без ребра на пере, раскованном на два ската. Перо утолщено в середине, в разрезе — вытянутой ромбической формы. Длина наконечника — 34,7 см, длина пера — 23 см, его ширина — 4,2 см, внешний диаметр втулки — 2,7 см. Из ближайших аналогий назовем наконечники копий из кургана 493 у с. Ильинцы (раскопки Н. Е. Бранденбурга) и из собрания А. А. Бобринского. По классификации А. И. Мелюковой, описываемый наконечник относится к третьему типу 1-го отдела. Наибольшего распространения наконечники копий данного типа получили в конце VI—первой половине V вв. до н. э.

Крестовидная бляха т. н. ольвийского типа из Енковец является новым ярким памятником скифского звериного стиля. Она представляет собой литую из оловянистой бронзы пластину толщиной 0,4—0,6 см, общей длиной — 13,8 см и максимальной шириной — 12,8 см. Ее верхняя часть имеет вытянутую трапециевидную форму с более широким, слегка закругленным, верхним основанием (ширина — 2,8 см). Перекрестие бляхи трактовано в виде трех стилизованных головок самок лосей в «гордой» позе. Горбоносые вытянутые, со вздутой верхней и чуть отвисшей нижней губой, удлиненные не очень большие головы животных моделированы с длинными широкими, вертикально стоящими ушами. На шее обозначен уступом свисающий вниз кожный вырост («серьга»). Нижние части морд животных соединены с «серьгой» на шее тонкими перемычками, образуя свастикообразную фигуру. На лицевой шлифованной стороне бляхи помещены изображения, выполненные в технике гравирования. На верхнем трапециевидном конце показаны пять фигур волков, расположенных один под другим. Их профильные изображения повернуты поочередно головами в разные стороны, начиная с верхнего — влево. У животных опущены вниз головы с выпуклой лобной частью и приоткрытой пастью, заостренными стоячими ушами средней длины. Двупалые лапы хищников полусогнуты, хвосты поджаты. Волки переданы в позе подчинения и покорности.

В центре бляхи изображен свернувшийся в кольцо хищник волчьей породы, выполненный в той же технике.

На мордах самок лосей, отходящих в разные стороны от центра, моделированы гравированными овалами глаза, легкими короткими прямыми штрихами — линия сомкнутых губ. Выразительно переданы глубокими гравированными канавками уши животных, врезными линиями подчеркнут изгиб шеи и кожный выступ.

На оборотной стороне бляхи, поперек длинной оси имеются крепления для продевания ремня: вверху — целая петля, а в области перекрестия — два Г-образных выступа, образующих петлю, разомкнутую по середине, предназначенные для укрепления бляхи в качестве украшения горита, либо использования ее в качестве налобника в конской узде.

Крестовидная бляха из Енковец расширяет представления об изделиях подобного типа, получивших распространение на обширной территории от Дуная до Волги. Она повторяет схему блях из могилы № 12 некрополя Ольвии, хут. Дугино в дельте Дона, кургана Опишлянка на р. Ворскла, кур-

гана № 2 у с. Волковцы в Посулье, коллекции Боткина, кургана у с. Гусарка под г. Запорожье, датируемых исследователями второй половиной VI — началом V вв. до н. э.

Обнаруженные случайно предметы из комплекса погребения в кургане у с. Енковцы дополняют круг известных памятников конца VI—начало Vвв. до н. э. в Посулье. А находка еще одного экземпляра бронзовой крестовидной бляхи, выполненной в зверином стиле, со своеобразным сюжетным и композиционным решением, характерными приемами стилизации свидетельствует об определенной творческой самостоятельности местных лесостепных мастеров.

Кракало И. В., Порубай А. Б.

Кременчугский историко-краеведческий музей

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В КОЛЛЕКЦИИ КРЕМЕНЧУГСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Кременчугский историко-краеведческий музей ведет наблюдения за участками побережья Кременчугского водохранилища у населенных пунктов Максимовка — Жовнино. На этой, в прошлом густо заселенной территории, после заполнения водохранилища, под водой и на островах остался целый ряд разрушающихся археологических объектов, а именно: позднепалеолитические стоянки, поселения эпохи неолита и бронзы, могильники черняховской культуры, древнерусского и позднесредневекового времени. В результате разведок с участием местных краеведов в музей поступили различные находки, происходящие из размывающихся памятников и представляющие определенный интерес для исследователей. Таковыми, к примеру, являются находки целых форм сосудов культуры многоваликовой керамики и срубной культуры (с. Шушваловка). Особый интерес вызывает лепной горшок среднеднепровской культуры, выявленной в размыве поселения у хут. Васьковка Глобинского района. Обращает на себя внимание находка в этом районе скифского кинжала с антеновидным навершием и прямоугольным перекрестием, происходящего из разрушенного погребения в кургане.

Большинство находок относится ко времени черняховской культуры. За последние годы фонды музея пополнились значительным количеством гончарных мисок, кувшинов и горшков, обнаруженных в разрушенных погребениях. Одно из погребений было выявлено краеведом Порубаем А. Б. у с. Пронозовка Глобинского района, в обрыве коренного берега водохранилища, в 0,5 км от села. Погребенный лежал вытянуто на спине с северной ориентацией на глубине 1,8 м от современной поверхности. Справа, у черепа, стоял горшок с шероховатой поверхностью, округлыми плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком. Рядом с ним находился одноручный серолощеный кувшин. Шейка сосуда имела цилиндрическую, слегка расширяющуюся кверху форму; верхняя часть корпуса и ручка — ребристые. У основания шейки сосуд украшен поясом косой насечки. Дно кувшина — на кольцевидной подставке. У кувшина находился большой округлобокий горшок с лощеной поверхностью, украшенный орнаментальной полосой, состоящий из солярных знаков — концентрических окружностей с точкой посредине.

В 1,5 км к северу от с. Шушваловка Глобинского района, на острове в 300 м от коренного берега, были обнаружены остатки грунтового могильника черняховской культуры. Удалось исследовать два погребения, размытых водой. Одно из них, — трупоположение с северо-западной ориентацией. Погребенный лежал на спине вытянуто, руки находились вдоль туловища. С правой стороны у скелета обнаружен развал серолощеной миски. Рядом находилось биконическое пряслице. Здесь же найдена большая бусина из черной стеклопасты. У таза обнаружена железная пряжка, у левой руки — железное колечко. На некотором расстоянии от погребения выявлены две круговые миски, вероятно, принадлежащие другому размытому погребению.

С этого же могильника происходит тонкостенный полусферический плоскодонный кубок, вся поверхность которого покрыта гребенчатым орнаментом в виде треугольников вершинами вниз. Поступившие в музей материалы дополняют сведения для составления археологической карты района. Вместе с тем, подобные находки ставят вопрос о создании постоянно действующей экспедиции областной организации Общества охраны памятников по контролю за памятниками на берегах водохранилища, в работе которой принял бы участие и Кременчугский музей.

Гейко А. В., Гавриш П. А.

Полтавский государственный пединститут

ПОСЕЛЕНИЕ VII—VI ВВ. ДО Н. Э. У С. ШЕВЧЕНКИ

В ходе исследований по подготовке материалов по памятникам археологии к тому «Свода памятников истории и культуры Полтавской области» у северной окраины с. Шевченки Полтавского района выявлено ранее неизвестное поселение скифской эпохи. Оно расположено в ур. Ореховское, где небольшая лощина мокрой Бутовой Балки берет начало у обочины трассы Полтава—Кременчуг. Частично селище разрушено при строительстве автомобильной дороги и при застройке села. В настоящее время площадь поселения определяется примерно в 12 га. Поверхность его имеет уклоны к центральной части, к лощине Бутовой Балки, которая как бы разделяет селище на две части по линии восток—запад. На поверхности, особенно на северном участке, на распаханной почве хорошо видны зольничные пятна, многие из которых имеют холмики высотой 0,4—0,5 м. Всего зафиксировано 16 зольников. В отдельных случаях наблюдается расположение их ровными рядами.

Собранный подъемный материал представлен в подавляющем большинстве фрагментами лепной керамики раннескифского времени, аналогичной поселению в ур. Таранов Яр, расположенному в нескольких километрах. Чернолощенная керамика представлена обломками мисок, ручек черпаков с отростками, кубков, корчаг. Чернолощенная керамика в общей массе находок составляет 25—30%. Часто встречаются сосуды с налепным валиком и пальцевыми вдавлениями по нему. Кроме керамики, найдены глиняные культовые предметы, обломки каменных зернотерок и растиральников, пряслица, фрагмент железного ножа с горбатой спинкой.

Вся совокупность находок, внешние признаки, расположение, близость к другим раннескифским памятникам Поворсклья позволяют датировать селище у с. Шевченки VII—VI вв. до н. э. и отнести его к группе скифских памятников, характерных для среднего течения Ворсклы и Днепровского Правобережья.

Пуздровский А. Е.

Отдел археологии Крыма
ИА АН УССР

ЛЕПНАЯ КУРИЛЬНИЦА ПОЗДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В экспозиции Полтавского краеведческого музея представлена лепная лощеная курильница, найденная в 1985 г. в обрыве левого берега р. Днепр у с. Кагамлык Глобинского района (инв. № ПКМ, А—9148)*. На этом месте известно многослойное поселение с материалами эпохи бронзы, скифского времени и черняховской культуры (Телегин, Титова, 1982).

Сосуд принадлежит к типу курильниц с шаровидным туловом, известному на позднескифских памятниках юга Украины. Размеры: выс. — 12,7; дм. устья — 7,2; дм. тулова — 11,2; дм. дна — 7,6 см. Цвет поверхности — от черно-коричневого до черного. Курильница имеет устойчивое дно, в венчике есть следы отверстия для подвешивания. Орнаментальный пояс по тулову отделен от верхней части сосуда горизонтальным поясом в виде двух врезных линий, между которыми расположены глубокие круглые наколы (30 шт.), идущие по всей длине шейки; внизу пояс также отделен от дна врезной линией. Вся сферическая поверхность курильницы расчленена широкими врезными линиями, образующих подобие каннелюр (30 шт.). Двенадцать поясков украшены рядом вертикальных наколов, аналогичных по технике исполнения наколам горизонтального пояска. Количество наколов на них варьирует от 9 до 11. Ряды наколов образуют шесть групп (по два), между которыми расположены три неорнаментированных вертикальных пояска.

По ряду орнаментальных приемов (выделение горизонтальных поясов, горизонтальные и вертикальные ряды наколов) курильница из Полтавского краеведческого музея близка сосудам крымского варианта: в погребении конца II—начала I в. до н. э. из мавзолея Неаполя Скифского (Погребова, 1961); из грунтового склепа в окресностях позднескифской столицы (Колтухов, Пуздровский, 1983); в хозяйственной яме городища Кермен-Кыр — I в. до н. э.; каменного склепа II в. до н. э. — I в. н. э. у с. Кринички близ Старого Крыма (Яковенко, 1971); в какой-то мере курильнице из Беляусского могильника (Дашевская, 1980).

Значительное отличие можно усмотреть лишь в невысоком поддоне, к тому же большем по диаметру, чем размеры устья. У серии крымских курильниц, как правило, ножка симметрична верхней части сосуда, а устойчивость достигалась утяжелением всего поддона.

Определенное сходство можно проследить и с сосудами днепровского варианта (Мелюкова, 1962), и с курильницей из Ольвии (Яковенко, 1971), где форма дна более близка экземпляру из Полтавского музея, а канцелюры выражены гораздо ярче.

Судя по отсутствию разнообразных символических изображений, известных на курильницах конца II—1 вв. до н. э. и исходя из определенной типологической близости интересующего нас сосуда к формам днестровского варианта (III—II вв. до н. э.), курильницу из Полтавского краеведческого музея можно датировать II в. до н. э. и отнести к промежуточному хронологическому варианту между сосудами с гладким корпусом либо канеллированной поверхностью и сосудами с богатой орнаментальной врезной символикой.

Культовая функция шаровидных сосудов из золота, серебра, электра у скифов IV в. до н. э. (связанная с представлениями о солнце) вполне надежно установлена (воронежский, кульобский и др. кубки). Кроме того, О. Д. Дашевская считает, что на сложение типа курильниц у поздних скифов повлияли также античные курильницы. Ею же высказана мысль о принадлежности рассматриваемого типа сосудов определенной категории населения, занимавшейся отправлением культа. Ссылаясь на К. Ф. Смирнова, полагавшего, что сарматские погребения с курильницами принадлежали жрицам и анализируя материалы крымских позднескифских погребений с курильницами, О. Д. Дашевская делает вывод о достаточно скромном положении жрецов у поздних скифов. Следует заметить, что роль жрицы, связанной не только с солярным культом, но и также с культом плодородия и священного очага могла выполнять довольно привилегированная особа, хотя и не всегда занимавшая место в верхушке социальной иерархии.

Каким образом попала на левобережье Днепра интересующая нас курильница, — неизвестно. Проследить линию развития подобной формы у сарматских племен, с которыми можно было бы связать ее присутствие в данном регионе, пока не удается (Яковенко, 1971). Тем не менее, курильница из окресностей с. Кагамлык значительно расширяет ареал находок этого довольно редкого типа лепной посуды.

* Приношу благодарность А. Б. Супруненко за любезное разрешение опубликовать находку.

Юренко С. П.

Институт археологии
АН УССР

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕНЬКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

1. Открытые во второй половине 50-годов в бассейне р. Тясмин (Д. Т. Березовец) памятники пеньковского типа в последние десятилетия 70—80-тые гг.) стали объектом пристального внимания специалистов по раннеславянской проблематике (В. Н. Даниленко, А. Т. Смиленко, П. И. Хавлюк, В. В. Седов и др.).

В настоящее время определена территория их распространения, разработаны вопросы хронологии и специфики материальной культуры (В. В. Седов, О. М. Приходнюк).

2. Исследованием памятников пеньковского типа на территории Левобержья занимались Е. А. Горюнов, В. К. Михеев, Б. А. Шрамко. В данном регионе сейчас известно несколько десятков поселений с материалами пеньковской культуры (выделена в качестве таковой О. М. Приходнюком). Среди них исследованы путем стационарных раскопок лишь единичные поселения (Хитцы, Сенча, Задонецкое), в то время как подавляющее большинство их известно только на основании разведывательных работ, проведенных в бассейнах левых приток Днепра. В связи с таким положением особую важность приобретает публикация материалов раскопок вновь открытых памятников пеньковской культуры.

3. Одно из поселений пеньковской культуры было открыто и частично раскопано силами Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР под руководством О. В. Сухобокова в 1981 г. близ г. Лубны, у с. Засулье. Поселение расположено на невысокой (до 2,0 м) возвышенности в широ-

кой заливаемой весенними паводками, пойме р. Сулы, в 1,5 км слева от шоссе Киев—Полтава. Его площадь составляет 135х175 м; вскрытая площадь — 270 кв. м.

В ходе раскопок были расчищены два жилища и семь хозяйственных ям. Последние обнаружены в непосредственной близости от жилых помещений, что является отличительным признаком данного поселения от раскопанного Е. А. Горюновым селища близ с. Хитцы (ур. Шимберово).

4. Одно из жилищ было исследовано полностью. Это постройка с центральным столбом и очагом. Ямки от столбов обнаружены по углам и по серединам стен; при этом у юго-западной и северо-восточной стенок котлована расчищены спаренные ямки, находившиеся в створе с центральным столбом, составляя опору для двускатной кровли. Подобные жилища известны на многих поселениях пеньковской культуры (Хитцы, Сушки, Задонецкое и др.) и, по мнению специалистов (Е. А. Горюнов, П. Н. Третьяков, О. М. Приходнюк), представляют ранний этап культуры.

5. Хозяйственные сооружения представлены ямами круглой или овальной в плане формы с суженными ко дну или вертикальными стенками. Их глубина достигает 1,4 –1,7 м при диаметре 0.5—1,7 м. Среди них расчищена одна яма с подбоем в стенке. Аналогичные хозяйственные ямы различного назначения широко представлены в материалах раскопок большинства пеньковских поселений.

6. Особый интерес вызывает расчищенное на глубине 1,05 м погребение, ориентированное по линии север-юг.

7. В процессе расчистки объектов и в культурном слое обнаружено значительное количество керамики, железных предметов бытового и производственного назначения, пряслиц, точильных брусков.

Подавляющее количество посуды принадлежит горшкам биконических форм с четко выраженным ребром в средней части корпуса (38%). Наряду с ними в керамическом комплексе присутствуют и округлобокие горшки с суженным горлом и плавно опускающимися плечиками, а также тюльпановидной формы.

Сковородки и диски-лепешечницы составляют незначительный процент в общей массе керамических находок.

Анализ керамического комплекса позволяет придти к заключению о близости исследованного поселения с изучавшимся в 1973—1976 гг. Е. А. Горюновым селищем у с. Хитцы. При этом наиболее близкие аналогии обнаруживаются в раннем горизонте последнего.

8. Характерные черты домостроительства и специфика керамического комплекса поселния у с. Засулье позволяют относить его к раннему этапу пеньковской культуры, датируемому V—серединой VI в. н. э.

Приймак В. В.

Сумский краеведческий
музей

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СЛАВЯН ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ С НАСЕЛЕНИЕМ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория Днепровского лесостепного Левобережья, часть которого составляет Полтавщина, длительное время являлась зоной контактов славян с кочевниками. При этом соотношение непосредственно соседствующих памятников пеньковской, волынцевской и роменской культур с последними

остается не вполне ясным. Для решения дискуссионных вопросов о времени, характере взаимоотношений славян с кочевниками и этносе последних Е. А. Горюновым и О. А. Щегловой были привлечены материалы исследованных в 70—80-е гг. на Полтавщине памятников (Хитцы, Вовки, Васильки и др.).

Ключевым в числе упомянутых является вопрос о хронологии памятников волынцевской культуры. Точка зрения И. И. Ляпушкина на волынцевские памятники как синхронные роменским не выдержала проверки временем. Поддержав Д. Т. Березовца в определении волынцевских памятников как предшествующих основной массе роменских (В. В. Седов, П. Н. Третьяков, О. В. Сухобоков, С. П. Юренко), часть исследователей в то же время возражают против датирования их VII—VIII вв. (Е. А. Горюнов, Н. М. Кравченко и др.). При этом их хронологические построения базируются в основном на салтовских аналогиях. Однако в последнее время предприняты попытки выделить комплексы ранее сер. VIII в. в салтовских древностях (И. А. Баранов, В. С. Флеров). В частности, пересмотрена датировка амфор (И. А. Баранов), в том числе аналогичных найденной И. И. Ляпушкиным на Битицком городище. Бусы из клада 1984 г. по своему составу близки комплексам I этапа Дмитровского могильника и должны датироваться не ранее сер. VIII в., чему однако противоречат находки таких же бус в более ранних комплексах (Суук-Су). Небезинтересна находка двухпластинчатой фибулы на поселении у с. Токари. Основные информативные возможности по хронологии волынцевских памятников кроются в собственно волынцевских комплексах — Фативижском и Харьевском кладах, последних материалах Битицы (исследования О. В. Сухобокова и С. П. Юренко).

Если облик волынцевских памятников как в основной массе славянских не вызывает сомнений, то степень влияния на них со стороны салтовской культуры оценивается по-разному. До недавнего времени влияние салтовской культуры в волынцевских древностях прослеживалось по собственно салтовским изделиям, в том числе керамике (амфоры из Крыма, кувшины, кубышки), салтоидной ориентации гончарной посуды, домостроительству (Битица). Возможно, по салтовскому обряду совершены погребения в жилище (Волынцево). Последние исследования Битицкого городища подтвердили особый статус этого памятника (Д. Т. Березовец) как протогородского центра, сходного с Пастырским. О смешанности населения свидетельствуют характер домостроительства (юртообразные слабоуглубленные постройки с очагами и полуземлянки с печами), керамический комплекс (практически во всех жилищах присутствуют гончарная и лепная керамика, во многих из них имеются салтовские кувшины, кубышки, амфоры), а также собственно салтовские предметы-снаряжение всадника и коня, оружие, предметы быта, орудия труда. Орудия земледелия и промыслов (наральники, серпы, косы, пешни, мотыжки, долота, струги и др.) аналогичны салтовским, что вряд ли может свидетельствовать о взаимствовании некоторых из них у славян. Скорее имел место обратный процесс, на что указывает и технология производства данных предметов. В исследованном на поселении у с. Токари полуземляночном жилище встречен салтовский кухонный горшок наряду с гончарной и лепной волынцевской керамикой. Получены новые аргументы в пользу отнесения Токаревского рала к VII—VIII вв. (Д. Т. Березовец, В. И. Довженок, Ю. В. Краснов).

Характер взаимоотношений славян с салтовским населением в последующее время претерпевает значительные изменения. По материалам городища Опошня прослежено угасание салтовских традиций в керамическом комплексе, уменьшается количество собственно салтовских предметов. Однако полностью эти связи не прекращаются: на роменских городищах продолжают пользоваться амфорами, салтовскими металлическими изделиями,

изредка встречается салтовская керамика (поселение на месте древнерусского Воина), через территорию Хазарского каганата поступает арабская монета.

По-видимому, поселение у х. Суки (теперь с. Дмитровка Кременчугского района), на котором встречены исключительно гончарная древнерусская керамика и салтовский кувшин, отражает заключительный этап взаимоотношений салтовского населения со славянами, когда Хазарский каганат прекращает существование, а его население поглощается завоевателями-печенегами или же вынуждено укрываться у своих соседей.

Сухобоков О. В.

Институт археологии
АН УССР

НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНОВ ПСЛА, ВОРСКЛЫ И СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В ЭПОХУ КИЕВСКОЙ РУСИ

1. В этнографическом очерке «Повести временных лет» летописец сообщает, что северяне занимали земли по Десне, Сейму, Суле. В настоящее время установлено, что археологическим выражением северян являются памятники волынцевской (VII—VIII вв.) и роменской (VIII—XI вв.) культур, распространенные также в верхнем и среднем течениях Псла, Ворсклы и Северского Донца. Название последнего указывает как на имя его обитателей, так и на юго-восточную границу расселения северян.

2. Образование Хазарского каганата и его экспансия с середины VIII в. приводят к смене открытых поселений укрепленными. Гнезда роменских городищ, протянувшихся цепочками по 5—9 вдоль левых притоков Днепра, образовали несколько линий обороны, преграждавших кочевникам пути во внутренние восточнославянские земли. Жизненно важное значение Левобережья для молодого древнерусского государства хорошо понимали первые киевские князья, уже в конце IX в. включившие этот регион в состав Киевской Руси.

3. Обострение внешнеполитической ситуации с появлением печенегов настоятельно требовало принятия срочных мер и в 80-х годах X в. Владимир I предпринимает строительство новых и реконструкцию старых (роменских) крепостиц, на что прямо указывает летописец. Система городов-крепостей дополнялась «Змиевыми валами», посульскую часть которых можно и теперь видеть вдоль р. Сулы. При этом Посулье являлось крайней юго-восточной границей Руси, но границей государственной, а не этнической, поскольку за ее пределами известно несколько десятков древерусских поселений. Однако для современников «Слова о полку Игореве», поход за Сулу воспринимался как воинский подвиг.

4. Это позволяет поднять вопрос о наличии в X—XII вв. восточнее Сулы оседлого древнерусского населения и об его отношениях с кочевниками. Археологические материалы дают основания для положительного ответа на эти вопросы: можно утверждать, что на большинстве роменских городищ в древнерусский период жизнь продолжалась и была не менее интенсивной, чем в предшествовавший. Анализ материальной культуры этих поселений позволяет видеть в населении юго-восточного пограничья древнерусского государства все тот же славянский этнос с общей культурой, что и в центральных районах. В племенном отношении это население было северянским, но со значительными включениями других восточнославянских

компонентов, привнесенных внутриполитическими реформами Владимира и его потомками. Это не исключает присутствия аланского этнического элемента салтовской культуры, имевшей длительные традиции оседлости и земледелия.

5. Картографирование древнерусских памятников на территории Днепровского Левобережья позволяет говорить о более густой заселенности его по сравнению с предшествовавшим периодом. Исходя из летописного определения территории северянского племенного союза с одной стороны, и наличия северянских поселений и могильников в бассейне Северского Донца — с другой, допустимо утверждать факт успешной колонизации не только лесостепных, но и степных районов Левобережья в XI—XIII вв.

В рамках рассматриваемого периода не все поселения были одновременны, а известная густота древнерусского населения не могла быть стабильной в этом чрезвычайно неспокойном регионе. Тем, не менее, на землях к востоку от Сулы древнерусское оседлое земледельческое население сохраняется вплоть до монголо-татарского нашествия.

6. В этой связи интересен вопрос о юрисдикции населения юго-восточной периферии древнерусского государства. Известно, что после включения северян в состав Киевской Руси, их земли находились в непосредственном подчинении центральной власти. С момента образования Переяславского княжества, к середине XII в., земли по Пслу, Ворскле и Северскому Донцу попадают под власть переяславских князей. Однако в условиях постоянных набегов кочевников их власть не могла не быть номинальной.

7. Раскопки на ряде городищ юго-восточных районов Левобережья (Каменное, Ницаха) не выявили слоев пожарищ между роменскими и древнерусскими культурными отложениями. Это, как-будто, дает основания предполагать относительно мирные отношения древнерусских обитателей названных городищ с кочевниками, заинтересованными в торгово-экономических связях с оседлым земледельческим населением.

Практика сосуществования оседлого и кочевого населения юго-восточных районов Левобережья в X—XIII вв. до сих пор не получила освещения в работах специалистов, хотя и представляется крайне интересной проблемой в изучении этноисторического процесса в Восточной Европе.

Моргунов Ю. Ю.

Институт археологии
АН СССР

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ЛЕТОПИСНОГО Г. СНЕПОРОДА

Посульская экспедиция ИА АН СССР и ИА АН УССР продолжает охранные раскопки городища у с. Мацковцы (Лубенский район Полтавской области) — памятника летописного г. Снепорода.

Культурные напластования, отложенные на высоком мысу правого берега р. Сулы, относятся к эпохе неолита-бронзы, позднескифской культуре. Встречено несколько находок черняховского времени, прослежены и роменские напластования позднего этапа. Культурный слой древнерусского времени спорадически прослеживается с середины X в. С постройкой княжеской пограничной крепости все предшествующие отложения были перемещены или срезаны для забутовки деревянной основы оборонительных стен.

Разрез оборонительного вала и рва выявил пять строительных периодов реконструкции укреплений, состоявших из нескольких (от 2-х до 4-х — в

разные периоды) связанных концентрических линий из забутованных грунтом городен. Разрез вала датировал постройку крепости второй половиной — концом XI в., а ее запустение — серединой XIII в.

На городище культурный слой вскрыт на площади более полутора тыс. кв. метров. Центральная часть не застраивалась, — здесь раскопано 14 древнерусских погребений, в основном, безинвентарных. В северной половине площадки расчищено пять скоплений разновременных построек, вероятно, отражающих дворовую планировку.

Насыщенность культурного слоя и характер находок показывает, что постоянной интенсивной жизни в крепости не было, но на случай осады существовал дополнительный резерв жилья во внутренних, незабутованных, клетях оборонительной стены. Среди находок — ножи, ключи, наконечники стрел и копий, гребни, псалии, крымская амфора и др. Состав культурного слоя отражает поздний этап напластований на площадке, а культурный слой раннего этапа (приблизительно, до середины XII в.), со значительно более представительным ассортиментом инвентаря, периодически срезался для забутовки деревянных конструкций стен.

На посаде, в непосредственной близости от въезда, раскопано около 400 кв. м. Интенсивность жизни в этой части памятника была несоизмеримо выше, чем на площадке. Здесь вскрыто 36 различного рода ям и остатки девяти построек, представляющих уличную планировку, ориентированную вдоль крутого склона к пойме и формирующую магистраль свободного проезда к въезду в крепость.

Раскопки посада выявили и резкие различия с городищем в ассортименте инвентаря: бросается в глаза обилие бытовых предметов, изделий из кости, заготовок шифера и орнаментированных астрагалов мелкого рогатого скота.

Кучера М. П.

Институт археологии
АН УССР

ПОСУЛЬСКИЙ ЗМИЕВ ВАЛ

В последние годы значительное место было уделено изучению Змиевых валов — специфических оборонительных сооружений Киевской Руси против кочевников. Они расположены пятью линиями южнее Киева на Правобережье, а также вдоль Днепра и по Суле на Левобережье. Посульский вал, длиной около 90 км, начинался у устья реки и продолжался до летописного города Лубно — современного г. Лубны Полтавской области. Его остатки сохранились почти на всем протяжении.

В отличие от других Змиевых валов, находящихся на ровной местности, Посульский вал устраивался в верхней части высокого (20—30 м) склона правого берега Сулы и представлял наиболее мощное препятствие для конницы кочевников. Неприступность оборонительной линии усиливали два яруса искусственной подрезки (эскарпирования) склона на высоту по 5—7 м вверх и вниз от вала.

В тех местах, где коренной берег Сулы прорезают балки и долины притоков, вал спускался вниз и преграждал их. В некоторых балках обнаружены остатки оборонительных линий из трех рядов валов (южнее с. Тарасовка Оржицкого района, южнее с. Мацкова Лучка Лубенского района

Полтавской области). Через пойму р. Слепород сохранился вал от южной окраины г. Лубны на длину около 5 км.

В пределах Полтавской области валы исследовались у сел Вязовок, Мацковцы, Мацкова Лучка Лубенского района и сел Великое Селецкое, Тарасовка Оржицкого района. В валах обнаружены деревянные конструкции двух типов: срубная из срубов и перекладная из настилов продольных и поперечных бревен, характерные для всех Змиевых валов Среднего Поднепровья.

В линии вала по Суле известно 11 древнерусских крепостей с большими поселениями, основанными в конце X—начале XI в. К ним отнесятся городища у бывш. с. Воинская Гребля, бывш. с. Жовнин (два городища), у с. Клищенцы (бывш. хут. Кизивер), у с. Лящевка и с. Великая Буромка Чернобаевского района Черкасской области, у сел Чутовка, Тарасовка, Лукомье Оржицкого района, у с. Мацковцы и г. Лубны Лубенского района Полтавской области.

Посульская оборонительная линия является уникальным памятником истории и культуры Киевской Руси. По ней проходила южная граница Древнерусского государства на Левобережье Днепра. Сведения авторов начала XX в. о наличии Змиевых валов на Ворскле и Орели исследованиями 1986—1987 гг. не подтвердились. Южнее Сулы на Левобережье Днепра Змиевых валов не было.

Супруненко А. Б.

Полтавский краеведческий
музей

75 ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С первых лет своего существования Полтавский музей начал уделять внимание формированию археологических коллекций. Первые поступления связаны с именем краеведа-археолога И. А. Зарецкого, сотрудничавшего с музеем в 1891—1912 гг. Наиболее значительное пополнения собрания относятся к 1906 г., когда Е. Н. Скаржинская передала в дар Естественно-историческому музею Полтавского губернского земства известную коллекцию археологических находок с Посулья и Поднепровья. Результатом исследовательской деятельности сотрудников музея на Полтавщине было открытие ряда памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья.

Целенаправленные археологические исследования начаты музеем лишь в 1912 г., с образованием археологического отдела и введением должности хранителя — зав. отделом. Первым археологом музея был В. М. Щербаковский. Основными направлениями работы отдела являлись полевые исследования центральных и северо-западных районов Полтавской губернии, пополнение коллекций материалами раскопок и создание экспозиции по древнейшему прошлому края. Исключая результаты наиболее значительных работ, которые опубликованы, дореволюционные раскопки музея остаются недостаточно известными вследствие разрушения музея фашистскими захватчиками в 1943 г., повлекшего утрату части собрания и депаспортизацию коллекции.

В 1912 г. музеем производятся раскопки фундаментов двух мавзолеев XIV в. в ур. Мечеть у с. Кишеньки Кобелякского уезда, что явилось откры-

тием первого золотоордынского памятника на Полтавщине (Щербаковский, 1913, с. 1—8). Тогда же были осуществлены разведки в окрестностях с. Орлик, на месте находки Кабаковского клада бронзовых орудий срубной культуры, поступившего в музей лишь в 1915 г. Сезон завершили раскопки 7 курганов и нескольких грунтовых погребений древнерусского и позднесредневекового времени у хут. Александровка, а также 5 курганов в парке у гостиницы Мгарского монастыря в Лубенском уезде.

Весной—летом 1913 г. музеем произведены исследования курганов скифского времени в г. Карловке и у сс. Круполь, Пилипчичи и Вел. Березняки Переяславского уезда (поступили материалы из раскопок 21 кургана), исследовано также 5 курганов древнерусского времени. У с. Лукаши Переяславского уезда открыты остатки эпонимного поселения лукашевского типа позднетрипольской культуры, к исследованию которого музей возвращался и в 1915 г. (Круц, 1977, с. 5, 79—81). Осенью того же года произведены раскопки кургана эпохи энеолита-бронзы у хут. Гречаники под Переяславом. В 1913—1914 гг. продолжались исследования курганного могильника X—XIII вв. у с. Липлява Золотоношского уезда, в составе которого раскопано около 50 курганов (Щербаковский, 1925, с. 339—348).

Работы 1914 г. также производились на курганных могильниках: X—XIII вв. — у с. Гелмязова Золотоношского уезда (исследовано 12 курганов) и в г. Переяславе «у тюрьмы» (раскопано до 150 курганов); возле с. Гонцы Лубенского уезда в ур. «Дрібні могилки» (3 кургана) — с погребениями эпохи бронзы и скифского времени. Осенью 1914 г. были начаты раскопки известного позднепалеолитического поселения у с. Гонцы, продолжавшиеся в 1915—1916 и 1919 гг. (Рудинський, 1928, с. 33—34; Щербаківський, 1919, с. 61—76). Место работ посещалось В. А. Городцовым, академиками В. И. Вернадским и А. П. Павловым, др. исследователями.

Менее масштабными были раскопки 1915 г. В окрестностях с. Софиевка Переяславского уезда исследовано 2, а у с. Пилипчичи — 8 курганов скифского времени. В 1916 г. раскопано 7 курганов X—XIII вв. в составе известного могильника у с. Липовое Роменского уезда и посещено городище в с. Медвежье. А в 1917 г. исследованы 7 курганов скифского времени у с. Городище Лохвицкого уезда и 4 кургана древнерусского времени в парке имения помещика Горвица (Щербаківський, 1920, с. 1—16).

Широко развернулись полевые исследования Центрального пролетарского музея Полтавщины после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда его директором и заведующим археологическим отделом становится известный украинский советский археолог М. Я. Рудинский. Под руководством ученого в 1923—1924 гг. произведены раскопки группы курганов раннескифского времени в ур. Таранов Яр у с. Мачехи Полтавского района, поселения и могильника черняховской культуры у с. Кантемировка Чутовского района, разведки по рр. Ворскле, Коломаку и Пслу, в окрестностях Полтавы и Градижска. Материалы этих работ хорошо известны, благодаря своевременной публикации в местных и республиканских изданиях (Рудинский, 1926; 1928, с. 36—52; 1930, с. 127—158; 1949; Ковпаненко, 1967, с. 82—95).

Разведки памятников эпохи неолита-раннего железного века и салтовской культуры в восточных и юго-восточных районах Полтавщины осуществлялись в 1926—1928 гг. сотрудником музея А. К. Тахтаем по рр. Орели, Орчику, Берестовой и Берестовеньке (Тахтай, 1928, с. 283—286). Небольшие работы разведочного характера были проведены в бывш. Опошнянском районе и окрестностях Полтавы (Тахтай, 1928, с. 284 — 285; 1928а, с. 250—256). В 1926—1927 гг. музей принимает участие в раскопках 3 курганов эпохи энеолита-бронзы в с. Климовка Карловского района и поселения скифского времни у с. Головач Полтавского района (Макаренко, 1927; Рудинский, 1927, с. 144—153; 1928, с. 16; Тахтай, 1928, с. 288—289). Благодаря своевременным действиям А. К. Тахтая был сохранен для исследователей комплекс находок из погребения кочевника кон. VII—нач. VIII в., обнаруженного случайно у с. Зачепиловка Новосанжарского района в 1927 г. (Смиленко, 1968, с. 158—166; Семенов, 1986, с. 96—97).

Археологическая деятельность музея возобновляется в 1939—1941 гг. благодаря энтузиазму Н. А. Стана. Им открыто позднепалеолитическое местонахождение у с. Днепрово-Каменка, обследовался могильник и поселение черняховской культуры в с. Новоселовка (ст. Свинковка), обнаружены остатки поселения неолита ямочно-гребенчатой керамики, эпохи ранней бронзы и черняховской культуры в ур. Рогизна в Полтаве, материалы роменской культуры и древнерусского времени на Красной площади города.

В 40—70-х гг. музей принимает участие в работе практически всех академических экспедиций на территории края. Кроме того, сотрудником музея Г. А. Сидоренко обследовался ряд поселений в Нижнем Поворсклье и Поорелье, информация о которых помещена в «Довіднику з археології України. Полтавська область» (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982).

В 1973—1974 гг. С. П. Юренко в составе экспедиции ИА АН УССР «Днепро—Донбасс» проводились раскопки поселений эпохи бронзы и пеньковской культуры у сс. Богатое Новомосковского и Чернеччина Магдалиновского районов Днепропетровской обл. (Сухобоков, Юренко, 1975, 1975, с. 376—377;, Юренко, 1975, с. 167—169). В 1977—1985 гг. в музее работала новостроечная экспедиция, исследовавшая курганы в зонах мелиоративного и дорожного строительства (Онипко, 1985, с. 3; Луговая, 1987, с. 39—41). С 1985 г. полевые исследования в зонах новостроек производит сектор археологии отдела охраны памятников музея. Кроме того, охранные раскопки и разведки в нижнем Поворсклье, Посулье и Поорелье проводятся силами сотрудников отдела фондов. В частности, в полевой сезон 1987 г. исследованы курганы ямной и катакомбной культур у сс. Лахны Новосанжарского, Васильевка Кобелякского и с. Стенка Чутовского районов.

Обнаруженные в результате исследовательской деятельности музея материалы существенно дополняют представления о памятниках региона, являющегося районом соприкосновения различных культурно-хозяйственных зон, уточняют границы распространения археологических культур и показывают характер их взаимоотношений. Коллекции раскопок значительно обогатили музейное археологическое собрание, превысившее в 1986 г. 35 тыс. предметов, что способствовало совершенствованию экспозиции. В настоящее время, в связи с необходимостью изучения и научной паспортизации коллекции, совершенствованием экспозиции и веденнем специализированной выставочной и экскурсионной работы, требуется воссоздание существовавшего на протяжении 30 лет отдела археологии музея, который бы совмещал хранение и экспонирование все возрастающего археологического собрания, мог принять на хранение коллекции раскопок уникальных памятников Полтавщины.

Черненко Е. Е.

Черниговский исторический
музей

РАСКОПКИ В ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ XIV АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА (1907 г.)

Предварительным комитетом по устройству XIV Археологического съезда в г. Чернигове было запланировано проведение раскопок ряда памятников на северо-западе Полтавской губернии. Один из организаторов съезда, Д. Я. Самоквасов считал необходимым серьезное изучение многочисленных курганных групп, сосредоточенных на границе Полтавской и Черниговской губерний.

Однако из-за отсутствия денежных средств у предварительного комитета, масштабные исследования провести не удалось. На средства Д. Я. Самоквасова были предприняты небольшие раскопки И. Я. Стиллецким и С. А. Мазараки (1907).

Материалы из этих раскопок поступили на выставку XIV Археологического съезда, а затем были переданы музею Черниговской губернской архивной комиссии. В настоящее время они хранятся в фондах Черниговского исторического музея.

И. Я. Стиллецким раскопано 10 курганов у с. Снитин Лубенского уезда. 9 курганов относились к периоду Киевской Руси. Описание погребений отсутствует. Из погребального инвентаря в музей поступили бронзовые височные кольца, железные наконечники стрел, наконечники копья, керамика. К сожалению, установить более точную дату комплексов по этим предметам невозможно. Погребение из кургана, раскопанного в урочище Щуры у с. Снитин, относится к раннему железному веку. Оно было почти полностью разрушено грабителями. Сохранились остатки деревянной гробницы (Самоквасов, 1916), а из погребального инвентаря в музей поступили 2 наконечника стрел (трехгранный бронзовый и фрагмент железного), железный ножик и фрагмент лепного сосуда.

Сведения о раскопках И. Я. Стиллецкого опубликованы не были.

Более интересные материалы получены при раскопках С. А. Мазараки в Роменском, Лохвицком и Гадячском уездах. Здесь был исследован ряд курганов эпохи бронзы — раннего железного века. В Черниговском музее хранится часть находок из раскопок С. А. Мазараки (костяные псалии с изображениями головок коня и грифобарана, ножные бронзовые браслеты, часть меча и др.). Эти предметы можно датировать VI—V вв. до н. э.

Ванцак Б. В.

Лубенская городская организация
Общества охраны памятников истории
и культуры

Е. Н. СКАРЖИНСКАЯ: ОТ АРХЕОЛОГИИ ДО РЕВОЛЮЦИИ

В 1890 г. журнал «Киевская старина» писал, что в наших южных городах проявляется «поражающее безразличие» к научным коллекциям предметов старинного быта и культуры, археологии, этнографии, и они возникают только благодаря заботе отдельных просвещенных лиц. Среди

последних было названо и имя Екатерины Николаевны Скаржинской.

Она была помещицей, дворянкой, жила в своем селе Круглик Лубенского уезда Полтавской губернии. Здесь в 1885 г. и основала на свои средства музей, которым некоторое время заведовал народник Ф. Каминский, в 1873 г. вместе с К. Феофилактовым, проведший раскопки первой известной на Украине палеолитической стоянки в с. Гонцы (Гинцы) на Лубенщине. Материалы раскопок хранились в музее. Е. Н .Скаржинская организовала также исследования в урочище Лысая Гора вблизи Лубен.

В 1906 г. Е. Н. Скаржинская подарила свой музей Полтавскому земству (20 тысяч экспонатов и свыше 4 тысяч томов научной библиотеки). Специалисты назвали этот подарок «краеугольным камнем археологического отдела Полтавского музея», основанного в 1891 г. ученым-природоведом В. Докучаевым. Сама Е. Н. Скаржинская уехала за границу, в Швейцарию.

У нее уже был большой опыт общественной и благотворительной работы. Ранее в Круглике ею основаны народная школа, библиотека, вечерние чтения для народа, чайная, организовались артели, изданы две книги: «Очерки Лубенской старины» и «Украинские писанки». В Швейцарии Е. Н. Скаржинская основала рабочий дом, каретную мастерскую, содержала приют для русских политэмигрантов, передала Женевской кассе взаимопомощи две тысячи франков; обратилась к швейцарским федеральным властям с просьбой поддержать ее желание устроить ясли для сирот греков, сербов, болгар и турок, убитых во время последних балканских воен. Наконец, стала издательницей в Давосе «литературно-научного и политического» журнала «За рубежом», в котором печатались деятели различных направлений (редактор Г. Аврашов, член РСДРП с 1904 г.).

Е. Н. Скаржинская была под надзором жандармов, которые составляли о ней материалы под заглавием «О революционной деятельности»... Впоследствии она вспоминала, что ее услугами в эмиграции пользовался и В. И. Ленин. На просветительскую и революционную деятельность Екатерина Николаевна истратила все свои средства от продажи принадлежавшей ей земли в Лубенском уезде.

.Возвратившись на родину с началом империалистической войны, Е. Н. Скаржинская, после Октября была персональной пенсионеркой. Умерла в 1932 г. в г. Лубнах.

Левченко Д. И.

Полтавский краеведческий
музей

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА V В. Н. Э. У С. ЯРЕМЕНКИ

В 1956 г. в Полтавский краеведческий музей был передан ряд вещей, найденных при земляных работах в с. Яременки (современное с. Орлик Кобелякского района)*. Сведений об обстоятельствах их обнаружения нет. Находка данного комплекса послужила основанием для вывода о наличии в с. Яременки могильника черняховской культуры (АП УССР, 1966). В состав комплекса входят следующие предметы.

1. Однолезвийный железный кинжал с прямым массивным перекрестием. Рукоять и перекрестие частично обломаны. Размеры кинжала: длина

* Акт № 1275 от 27 февраля 1957 г.; инв. №№ 1383—1406.

32,5 см, длина клинка 27 см, его ширина 3,5 см, толщина 0,8—0,9 см. На клинке сохранились следы древесного тлена. На памятниках черняховской культуры однолезвийный боевой нож-скрамасакс был обнаружен на Ягнятинском поселении (Махно, 1952), но он несопоставим с экземпляром из Яременок. Ближайшей аналогией ему являются однолезвийные кинжалы Цебельдинских могильников из комплексов IV—V вв. н. э. (Воронов, Шенкао, 1982).

2. Пять обломков двулезвийного меча. Клинок меча линзовидный в сечении, шириной 4,5 см и толщиной 0,9 см. Из-за фрагментарности остатков реконструировать меч не представляется возможным.

3. Железный нож с прямым лезвием и изогнутой спинкой. В основании имеет медную заклепку для крепления рукоятки. Аналогичные ножи с широким периодом бытования не могут привлекаться для датировки комплекса.

4. Игла, части приемника, спинки, пружины с гранеными концевыми «шишечками» от серебряной двучленной подвязной фибулы. Пружина с концевыми «шишечками» от подобной фибулы обнаружена на могильнике Каборга IV и принадлежит к серии, встречающейся среди материалов восточнопоморско-мазовецкой культуры и на территории Германии в IV в. н. э. (Магомедов, 1979).

5. Три серебряные пряжки с округлыми, утолщенными спереди рамками. Язычки в виде суживающегося хоботка, ступенчато срезанного сзади, загнуты к рамке и выступают за ее корпус. Обоймы округлые, двухщитковые, с заклепками для крепления ремней. Пряжки имеют многочисленные аналогии среди памятников Восточной Европы и датируются V в. н. э. (Амброз, 1971).

6. Обломки слегка выпуклой серебряной бляшки или подвески со шпеньками для крепления.

7. Оббитый точильный брусок с бороздками от заточки инструментов.

8. Оселок из серой кремнистой гальки, обломан.

Очевидно, при земляных работах было разрушено погребение воина, относящееся к финальному этапу существования черняховской культуры и датируемое второй четвертью—серединой V в. н. э. При незначительном количестве найденных на черняховских памятниках предметов вооружения (Археология УССР, т. 3, 1986) уникальным выглядит случай помещения в могилу воина наряду с мечом дополняющего его однолезвийного кинжала. Несмотря на то, что отсутствие сведений об обстоятельствах находки и явная неполнота комплекса несколько снижают научную ценность погребения у с. Яременки, по своему значению оно далеко выходит за пределы данного региона и представляет несомненный интерес для исследователей.

Е. В. Махно

Институт археологии
АН УССР

О НЕКОТОРЫХ ФАКТАХ ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЛОГО ПОЛТАВЩИНЫ

Территория Полтавщины принадлежит к числу наиболее исследованных в России конца XIX—начала XX ст. Одним из первых исследователей ее прошлого был революционер-демократ Ф. И. Каминский, работы которого отличались исключительной точностью и глубиной. Материальная основа для этих работ была создана неутомимой собирательницей историко-этнографических и археологических древностей края Е. Н. Скаржинской. Открытие и начало серьезного научного исследования одной из первых в России палеолитической стоянки у с. Гонцы Лубенского района, таким образом, является результатом содружества этих двух замечательных тружеников (Каминский, 1873, с. 147—158; Скаржинская, 1887, табл. 78—80).

Материалы раскопок Ф. И. Каминского и обширные коллекции, собранные Е. Н. Скаржинской (которые по ее просьбе получили научное определение известного историка и археолога В. Б. Антоновича) составили основу фондовых материалов музея, открытого в Полтаве в 1891 году (Сидоренко и др., 1968, с. 7).

Полтавский губернский земский музей принадлежит к числу старейших на Украине. Организованный по инициативе известного ученого В. В. Докучаева, он стал центром научных дерзаний по изучению природы и славного прошлого края.

Благодаря деятельности Полтавской ученой архивной комиссии (работы Л. В. Падалки и Н. А. Зарецкого), возможности исследования Полтавщины в начале XX в. значительно расширились. К изучению края тогда были привлечены лучшие из исследователей старины на Украине. Среди них яркими звездами блистали имена В. Г. Ляскоронского, Н. Е. Макаренко, В. В. Хвойко (Ляскоронский, 1901, с. 404—464; 1903, с. 422; 1907а, с. 156—210; 1907б, с. 419—434; 1911, с. 1—82; Макаренко, 1911, с. 1—130; 1917, с. 105; Хвойко, 1904, с. 40—48).

Среди выдающихся исследователей прошлого Полтавщины выделяется фигура энтузиаста-подвижника М. Я. Рудинского, основным жизненным принципом которого было беззаветное служение науке и неуклонное продолжение лучших традиций революционно настроенной интеллигенции. Деятельность М. Я. Рудинского на Полтавщине началась в героический период преобразования страны — в 1917 году. И несмотря на то, что с этого времени прошло уже 70 лет, в народе до сих пор сохранилась память о настойчивом молодом человеке, который, в это бурное время, упорно заботился о сохранении для потомков лучших образцов искусства, художественного ремесла и всего того, что полезно для воспитания настоящего патриотизма. Бесспорным доказательством этого является собранный и отредактированный М. Я. Рудинским сборник, посвященный 35-летию Полтавского музея, вышедший из печати в 1928 году. Рассказ в сборнике о бескорыстных предшественниках, работающих для будущего, звучал как обращение и призыв к наиболее широкому и полному изучению края в будущем.

Планомерное и целенаправленное изучение Полтавщины началось сразу же после освобождения Левобережья от фашистских захватчиков. Еще чернели стены музея от пожара, уничтожившего часть драгоценных коллекций*, еще продолжалась война, а на берегах рек Сулы, Псла и Ворсклы появились первые разведотряды археологов.

В исследовании Полтавщины систематически принимают участие специалисты Институтов археологии АН УССР и АН СССР, Харьковского и Донецкого университетов. Большой сдвиг в исследовании края дали экспедиции, организованные в связи со строительством Днепродзержинской ГЭС. Коллекции фондов Полтавского музея быстро пополняются за счет многочисленных экспедиций, изучающих все исторические периоды в жизни края.

Коллектив сотрудников Полтавского музея бережно хранит традиции первопроходцев, совершенствуя их применительно к требованиям времени. Полтавский музей, столетний юбилей которого приближается, по-прежнему стоит в первых рядах на Украине. В числе самых первых этот музей сос-

* Несмотря на все усилия сохранить их, исходящие от сотрудников музея, среди которых были Г. А. Сидоренко и В. И. Довженок.

тавил «Довідник з археології України» (Сидоренко, Махно, Телегін, 1982).

Можно надеяться, что на выставке, посвященной столетию музея, можно будет ближе познакомиться с деятелями культуры прошлого, работавшими для будущего.

В. И. Посухов

Полтавская областная организация
Общества охраны памятников истории
и культуры

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛТАВЩИНЫ XIV В.

Значительным пробелом в истории Полтавщины и археологических исследованиях на территории края было XIV столетие. В настоящее время мнение некоторых исследователей о незаселенности края опровергается как результатами археологических исследований, так и данными топонимики. Дошедшие до нас, упомянутые в древнерусских летописях наименования населенных пунктов, — Лубны, Пирятин, Воинь, Снитин, Горошин, Повстин и др., существовали как поселения почти непрерывно. Ценный летописный документ «Список русских городов дальних и ближних», составленный в конце XIV ст., подтверждает существование городов Омельника на Псле, а на Суле: Снепорода, Кснятина, Горошина, Синца, в которых легко угадываются современные Снитин, Сенча и др. Сохранившиеся топонимы подсказывают место и расположение некоторых населенных пунктов: Утешков — с. Тишки Лубенского района, Кляпеч — с. Клепачи этого же района, Ворона — с. Воронинцы Оржицкого района. К сожалению, пока еще невозможно предположить размещение упомянутых в «Списке» Чемесова и Ковыли.

Вероятно, существовало поселение и рядом со Свиридовским городищем в Лохвицком районе. Об этом свидетельствуют, в частности, встречающиеся там топонимы: Детинец, Красные могилы, Сечь, Турово, Осельще и др. Названия урочищ Рим, Римово болото, Римский шлях позволяют предположить, что именно здесь располагался древнерусский город Римов (Посухов, 1987).

В это же время существовал и ряд поселений на берегах Псла и Ворсклы. Одни из них возникли еще в древнерусское время, другие — основаны золотоордынцами. К числу последних относится Кременчуг. Сохранились сведения о существовании там городища еще до постройки крепости первой трети XVII в. Само название города тюркское, переводящееся, как «крепость на переправе». К поселениям такого же типа следует отнести Кишеньки (вблизи выявлены И. А. Зарецким золотоордынские погребения), Новые Санжары, Кобеляки (найдены керамические трубы, близкие трубам водопровода золотоордынского поселения возле Запорожья). Видимо, такого же происхождения Манжала (с. Манжелия Глобинского района) и Келеберда (село в Кременчугском районе).

Топонимы Витова могила, Геевы могилы, Сечь у с. Лихачевка Котелевского района могут указывать на неизвестное нынче место, где происходило значительное для того времни событие — битва литовского князя Витовта с татарами на Ворскле в 1399 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української РСР
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии Наук СССР
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии Наук УССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ПКМ	— Полтавский краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИЧКАЛО Б. В. Охрана и исследование памятников Полтавщины на современном этапе 3
ВОЙНАЛОВИЧ В. А., ДАНИЛЮК Ю. З. Подготовка «Свода памятников истории и культуры народов СССР» в контексте изучения, охраны и пропаганды историко-культурного наследия советского народа 4
ТЕЛЕГИН Д. Я. Некоторые вопросы охраны памятников археологии Полтавщины 5
ЛУГОВАЯ Л. Н. Проблемы учета и охраны археологических памятников Полтавщины 7
КУЛАТОВА И. Н. О задачах охраны и использования памятников археологии Полтавской области 8
МОРГУНОВ Ю. Ю. Охранные мероприятия на городище летописного г. Снепорода 9
КАЗАКОВ А. Л., КОВАЛЕНКО В. П. Из опыта работы отдела археологии Черниговского исторического музея 11
ЖУРАВЕЛЬ Г. Г. Участие областной организации Общества в изучении и сохранении памятников археологии 13
ЧЕРНЯКОВ И. Т., ШЕВЧЕНКО Н. П. Итоги и перспективы охранных исследований археологических памятников в зоне Кременчугского водохранилища 14
ГАВРИЛЕНКО И. Н., ГОЛЬНИК Л. В. Литература о памятниках мезолита и неолита Полтавщины: ошибки и неточности 16
ГОРОХОВСКИЙ Е. Л. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы 18
СЕРГИН В. Я. К основной проблематике палеолитических поселений среднеднепровского типа 20
НЕПРИНА В. И. Мастерская и стоянка эпохи мезолита в Посулье 21
ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н. О пивихинской культуре Днепровского Левобережья 22
ЛУГОВАЯ Л. Н., СУПРУНЕНКО А. Б. Погребение среднеднепровской культуры у с. Васильевка 23

ГОЛЬНИК Л. В. О разведках в Поворсклье 25
БОНДАРЕНКО Е. Н. Разведки по р. Свинковке 26
ГАВРИШ П. А. Новые поселения скифского времени на Полтавщине 27
КУЛАТОВА И. Н. Находки из погребения скифского времени в Посулье 28
КРАКАЛО И. В., ПОРУБАЙ А. Б. Новые археологические материалы в коллекции Кременчугского историко-краеведческого музея 30
ГЕЙКО А. В., ГАВРИШ П. А. Поселение VII—VI вв. до н. э. у с. Шевченки 31
ПУЗДРОВСКИЙ А. Е. Лепная курильница позднескифского времени из Полтавского краеведческого музея 32
ЮРЕНКО С. П. К изучению пеньковских памятников на Днепровском Левобережье 33
ПРИЙМАК В. В. О взаимоотношениях славян Днепровского Левобережья с населением салтовой культуры 34
СУХОБОКОВ О. В. Население бассейнов Псла, Ворсклы и Северского Донца в эпоху Киевской Руси 36
МОРГУНОВ Ю. Ю. Раскопки городища летописного г. Снепорода 37
КУЧЕРА М. П. Посульский Змиев вал 38
СУПРУНЕНКО А. Б. 75 лет археологических исследований Полтавского краеведческого музея 39
ЧЕРНЕНКО Е. Е. Раскопки в Полтавской губернии накануне XIV археологического съезда (1907г.) 42
ВАНЦАК Б. В. Е. Н. Скаржинская: от археологии до революции 42
ЛЕВЧЕНКО Д. И. Погребение воина V в. н. э. у с. Яременки 43
МАХНО Е. В. О некоторых фактах из истории исследования прошлого Полтавщины 44
ПОСУХОВ В. И. Топонимические ориентиры археологических памятников Полтавщины XIV в. 46
Список сокращений 47
Содержание 47

БЗ № 90901 4 XII. 87. Глобино, тип. Зак. № 5250—240